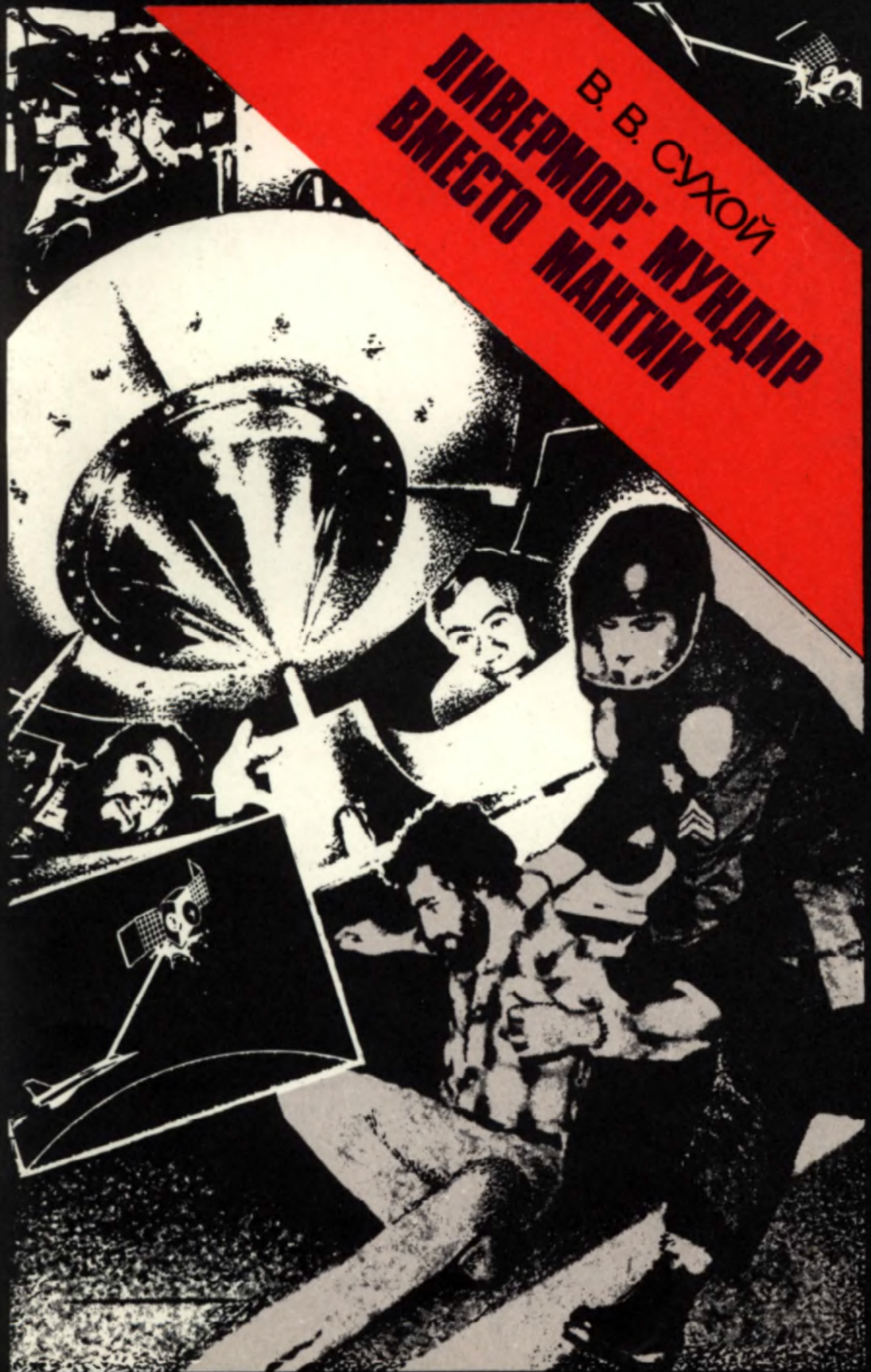

Владыки капиталистического мира

В. В. СУХОЙ
**ЛИВЕРМОР: МУНДИР
ВМЕСТО МАНТИИ**

Владыки
капиталистического
мира

В. В. СУХОЙ

ЛИВЕРМОР: МУНДИР ВМЕСТО МАНТИИ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1988

ББК 66.2(7США)

С91

С $\frac{0604040000-118}{079(02)-88}$ 155—88

ISBN 5—250—00004—5

© ПОЛИТИЗДАТ, 1988 г.

Тени «солнечного штата» (Несколько вступительных слов)

Америка находится в... Калифорнии. Это выражение можно было бы считать всего лишь удачной журналистской находкой, если бы реальность не наполнила его новым содержанием. «Золотой штат», издавна славившийся обилием апельсинов, персиков, абрикосов и помидоров, превратился сегодня в оружейную кузницу Америки.

И хотя в солнечных долинах штата по-прежнему выращивается около 35 процентов фруктов и овощей, потребляемых в США, сегодняшняя Калифорния — это прежде всего военные предприятия и базы, испытательные полигоны смертоносного оружия, почти 80 процентов продукции сегодняшней аэрокосмической промышленности США и космический арсенал XXI века. Это — важнейшие научно-исследовательские центры, где разрабатываются новейшие виды вооружений, военно-стратегические концепции и доктрины. Это — штат, который выпестовал и выдвинул на общенациональную политическую арену «своего» президента, привел к власти в Вашингтоне «калифорнийскую команду», которая очень приглянулась по душе военно-промышленному комплексу.

ВПК сегодня — это хитросплетение корпораций и лабораторий, специализирующихся на «бизнесе смерти», военных ведомств, а также их радетелей в аппарате Белого дома, конгрессе и средствах массовой информации. Это — круговая порука, которой накрепко связаны промышленники, генералы и законодатели, это — злобещий союз доллара, бомбы и власти.

Калифорния — «золотой штат» для военно-промышленного комплекса, она — его Мекка. Среди подрядчиков Пентагона — 8550 калифорнийских фирм, на долю кото-

рых приходится около 30 процентов всех заказов военного ведомства США. По подсчетам журнала «Бизнес уик», к началу 1986 года время работы прямого военного назначения выполняли около 600 тысяч калифорнийцев, или 35 процентов всей рабочей силы, занятой в военной промышленности США. Неудивительно поэтому, что по объему промышленного производства Калифорния оставила далеко позади многие государства мира.

Если заглянуть в туристический путеводитель по «золотому штату», то сразу бросится в глаза, что в нем превалирует тема «калифорнийского превосходства». То и дело встречается слово «самый» — «самый богатый штат», «самый высокоразвитый и быстрорастущий», «самое идеальное место для осуществления деловых операций», «Лос-Анджелес — город с самой дорогой недвижимостью в мире».

Обязательно будет подчеркнуто, что Калифорния занимает первое место среди штатов страны по численности населения, по количеству конгрессменов, миллионеров и кинозвезд. С особым энтузиазмом любой калифорниец говорит о том, что штат дал Америке атомную, водородную, нейтронную бомбы, стал «центром зарождения» идеи «звездных войн», а сейчас стоит на пороге создания космического «сверхоружия». И это действительно так.

Все последние «достижения» связаны с Ливерморской лабораторией ядерных исследований имени Эрнеста Лоуренса, называемая также «Три Л» (Ливерморская лаборатория Лоуренса). Именно ей принадлежит неоспоримое первенство в изобретении новейших видов оружия массового уничтожения и разработке самых безумных теорий. В настоящее время в этом мозговом центре осуществляется до 80 процентов американских ядерных исследований. Правительственные ассигнования продолжают течь широким потоком, что не может не радовать ливерморских вундеркиндов¹.

Велик штат Калифорния, но все-таки его земные пространства небеспределельны. А черная бездна космоса — безгранична. Вот туда и устремлены взоры «фантастов» из Ливермора. «Над Америкой — небо, над Калифор-

¹ В Соединенных Штатах «вундеркиндами» называют не только детей с исключительными способностями, но и талантливых молодых ученых, особенно в области ядерной физики, микроэлектроники. — В. С.

нией — космос» — вот один из афоризмов, возводящих «космические изыскания» ливерморских физиков в превосходную степень. Сейчас они мечтают о создании семярусного «космического зонтика» над Америкой. По свидетельству журнала «Ньюсуик», ажиотаж вокруг работ в этой области имеет своей целью «довести русских до сумасшествия». Эту же мысль лелеет и патриарх Ливерморской лаборатории Эдвард Теллер, заявляя, что если бы удалось вынудить русских увеличить ассигнования на повышение боевых характеристик их ракет, то «это значило бы, что удалось кое-чего добиться».

Итак, научная мысль главной военной лаборатории Калифорнии устремлена в космические выси. Там ее манит созвездие Тельца, а на грешной земле она поклоняется другому тельцу — золотому. Космическая лихорадка, однако, отнюдь не мешает обитателям Ливермора вносить немалую лепту в создание новейших видов стратегических вооружений. Участие в обеих гонках вооружений — земной и космической — приносят баснословную прибыль, как бы подтверждая принцип «деньги — к деньгам».

Америка находится в Калифорнии. А Калифорния находится в... Вашингтоне. Влиятельные калифорнийцы занимают все посты в вашингтонских коридорах власти — вплоть до третьего звена управления. Даже многие секретарши правительственных офисов прибыли на берега Потомака из «солнечного штата», не говоря уже о первых скрипках могущественного ансамбля по калифорнизации Америки. Все они — стопроцентные патриоты своего родного штата, сохраняющие самые тесные связи с законами калифорнийского военного бизнеса. Представление об особой миссии Калифорнии дало толчок к буму самодовольства. Они абсолютно уверены: в их любимом «солнечном штате» нет теневых сторон, все — светлые. Поэтому они не печалятся о будущем: если придется покинуть Вашингтон, они вернутся в Калифорнию — к большим деньгам. Калифорния — Вашингтон. Вашингтон — Калифорния. Круг замыкается.

Запретный «прямоугольник» зывается «Три Л»

18 ноября 1865 года нью-йоркская газета «Сэтерди пресс» напечатала юмористический рассказ «Знаменитая скачущая лягушка из Калавераса». Наутро следующего дня знаменитыми, помимо дрессированной лягушки по имени Даниел Уэбстер, стали автор этого забавного рассказа и богом забытый округ в штате Калифорния. К тридцатилетнему репортеру одной из сан-францисских газет Марку Твену пришла литературная известность, а округ Калаверас стал «столицей» лягушачьих скачек с тотализатором. В наши дни скачки эти устраиваются ежегодно. Поэтому ближе к концу лета население Калавераса — одного из 58 калифорнийских округов, расположенного примерно в ста милях на восток от Сан-Франциско — значительно возрастает: бывают годы, когда к 20 тысячам постоянных жителей прибавляется еще по меньшей мере столько же приезжих. «Лягушатники» и многочисленные болельщики едут из близлежащих городов и даже из соседних штатов. Едут на велосипедах, автомобилях, катят в рейсовых автобусах и в «стейшн вэгонз» — машинах с кузовом «универсал». Многие по пути в Калаверас, особенно те, кто едет со стороны Сан-Франциско и Окленда, делают короткую остановку в городишке Ливермор.

Для празднующейся разноликой толпы, жаждущей зрелищ и предвкушающей острые ощущения, которые наверняка припасены для нее в Калаверасе, Ливермор, лишенный всяких достопримечательностей, не представляет никакого интереса. Городок с его почти пятидесятитысячным населением — типичный представитель «одноэтажной Америки». Несколько однообразные приземистые домики, приютившиеся у подножий выжженных

щедрым калифорнийским солнцем пологих холмов. Пыльные улицы с крохотными магазинчиками. Ничем не примечательная центральная площадь с двухэтажным зданием муниципалитета, перед которым останавливается большинство рейсовых автобусов. Короче, унылый уголок среди райских куш «золотого штата». Но таким городок может показаться только тем, кто не знает или не хочет знать о существовании другого Ливермора.

Этот другой город огромным прямоугольником расположился на окраине Ливермора, как бы оседлав четырехполосную скоростную автостраду — фривей 580, по которой, если прилежно следовать указаниям многочисленных дорожных щитов, можно примерно за час доехать до Сан-Франциско. Площадь прямоугольного участка, огороженного высокой металлической решеткой, — квадратная миля, или 640 акров. Вдоль решетки — крупные надписи на щитах: «Запретная зона», «Посторонним вход воспрещен». На мачтах-треногах, возвышающихся над решетчатым забором, вращаются телевизионные камеры. У подковообразной арки ворот — два охранника с латунными нагрудными звездами. Внутри «запретного прямоугольника» и находится Ливерморская лаборатория ядерных исследований имени Эрнста Лоуренса. Эта лаборатория — настоящая фабрика смерти, с «конвейеров» которой вышло большинство ядерных устройств, имеющих у Соединенных Штатов.

Первое впечатление путешественника, оказавшегося у ограды прямоугольника: эта лаборатория не имеет ничего общего с теми укрепленными крепостями, в виде которых изображаются военные научно-исследовательские центры США в целой серии пропагандистских фильмов. Вместо вооруженных до зубов часовых — военизированные охранники. Вместо массивных цельнометаллических ворот — арка с ажурной решеткой. Вместо амбразур — будка, где помещается бюро пропусков, и деревянный домик с вывеской: «Для посетителей».

Никаких зенитных батарей. Никаких бункеров, запрятанных глубоко под землей. Серые коробки зданий без окон. Огромные сооружения ангарного типа, опутанные, словно паутиной, бесчисленными трубопроводами. Они похожи на нефтеперегонные заводы или же отдаленно напоминают контуры модернистского здания культур-

ного центра в Париже, у которого все коммуникации выведены наружу. Какие-то мощные грузоподъемные устройства — п-образные, как кран-балки. Все это создает впечатление, писал в своем репортаже из Ливермора специальный корреспондент французского журнала «Пуэн», что ты лицезрешь большую стройку под открытым небом, почти круглый год залитую жгучим солнцем.

Если принять этот образ, то следует обязательно добавить, что возводят на этой стройке денно и нощно отнюдь не здания мира. Скорее всего — фундаменты войны. Ведь почти половина из восьми тысяч сотрудников лаборатории (в том числе свыше тысячи докторов наук) работает на «бога войны». А Пентагон и министерство энергетики предоставляют больше половины из тех 800 миллионов долларов, которые ежегодно ассигнуются «Три Л». Так что первое впечатление об отсутствии надлежащих мер безопасности оказывается ошибочным. В Ливерморской лаборатории есть кого и есть что охранять. И это делается. Только не по старинке, а с помощью самой современной техники. Никто и ничто не остается вне поля зрения строжайшей компьютерной системы безопасности. Электронные глаза и уши все видят и все слышат.

Говорят, что города так или иначе отражают черты характера их создателей. Раскинувшийся на живописном плато близ Санта-Фе в штате Нью-Мексико, городок Лос-Аламос, который по воле судьбы стал колыбелью первой атомной бомбы, и вправду чем-то неуловимо напоминает столь бесконечно милый профессорской душе Роберта Оппенгеймера университетский кампус¹. Худой, необычайно нервный, куривший сигарету за сигаретой, больной туберкулезом книгочей, увлекавшийся средневековой поэзией и древнеиндийской философией, отец-основатель Лос-Аламоса любил читать лекции и просто бывать в студенческих городках Калифорнийского университета в Беркли и Пасадене. Поэтому Оппенгеймер приложил немало усилий для того, чтобы по образу и подобию этих студенческих городков построить среди кактусов засушливого штата Нью-Мексико, где он в юности лечил

¹ Студенческий городок, где зачастую расположены не только учебные корпуса университетов и колледжей, но и общежития, клубы, дискотеки и т. п. — В. С.

свои легкие, атомную лабораторию и переселить в нее дух Беркли и Пасадену — дух тихого научного поиска. И не его вина, а его трагедия в том, что дух этот переродится затем в атомного джинна, будет выпущен из бутылки и испепелит японские города Хиросиму и Нагасаки.

Америка не любит извлекать уроки из содеянных грехов. Она просто-напросто объявляет пороки добродетелью. Поэтому Лос-Аламос гордится не Оппенгеймером, раскаявшимся в том, что он участвовал в создании ядерного оружия, и за это презрительно названным президентом Трумэном «плаксивым ребенком». Предмет гордости Лос-Аламаса — изготовленные в нем первые атомные бомбы «Малыш» и «Толстяк». Их модели выставлены в местном музее, а главная улица города именуется «Тринити» — таково было кодовое название первого ядерного испытания в пустыне близ авиабазы Аламогордо в 1945 году. На стене все того же местного музея висит большая фотография, с которой улыбаются члены экипажа самолета «Энола Гэй», сбросившего атомную бомбу на Хиросиму. Рассказывают, что лучи заходящего солнца преломляются иногда через пурпурные вершины находящихся неподалеку гор Сангрэ де Кристо и окаймляют фотографию кровавым ореолом...

Да, пепел Хиросимы и Нагасаки продолжает стучать в сердца некоторых из тех, кто непосредственно участвовал в атомных бомбардировках. Майора Клода Изерли, который на самолете «Стрейт флэш» разведывал погоду над Хиросимой, долго затем терзали муки совести. Он писал письма и слал денежные переводы хиросимским сиротам. В конце концов Изерли лишился рассудка, многократно попадал в сумасшедший дом и тюрьму, а в 1978 году умер, не выдержав тяжких мук ответственности за содеянное. А в августе 1985 года, накануне 40-летия трагедии японских городов, покончил с собой Пол Брегмэн — штурман самолета В-29, участвовавшего в налете на Нагасаки. Жизнь, до краев наполненная сознанием вины, стала для него невыносимой...

Архитектура Ливерморской лаборатории и окружающая ее обстановка также передают основные особенности натуры одного из «крестных отцов» Ливермора

Эдварда Теллера — страсть к оригинальничанию, необузданность избалованного нрава, интеллектуальный снобизм. Если атомную лабораторию в Лос-Аламосе с ее семнадцатитысячным населением с самого начала нарекли монастырем для эрудированных отшельников в ковбойских ботинках, то за лабораторией в Ливерморе закрепился имидж¹ ядерного Шангри-ла — райского уголка, который был впервые описан в появившемся в 1933 году фантастическом романе английского писателя Джеймса Хилтона «Потерянный горизонт».

Ливерморская лаборатория ядерных исследований была основана Эдвардом Теллером и Эрнестом Лоуренсом в 1952 году, когда в вишневые, виноградные, апельсиновые долины солнечной Калифорнии начала быстрыми темпами вторгаться современная военная индустрия, соединившая в себе научно-стратегические центры, самолетостроение, ракетостроение и электронику. Рождению лаборатории в Ливерморе предшествовала поистине титаническая битва за право определять будущие пути развития ядерных вооружений, развернувшаяся между Р. Оппенгеймером и Э. Теллером в конце 40 — начале 50-х годов. Собственно говоря, Ливермор — «побочный продукт» этой битвы, которая не оглашалась выстрелами, не освещалась огнем пожарищ, но тем не менее была адски трудной, потому что непримиримый спор шел вокруг вечных категорий — таких, как ответственность перед будущим, критерии морали, совесть ученого.

Борьба между Лос-Аламосом и Ливермором идет и в наши дни — за первенство в изобретении и производстве той или иной новейшей системы вооружений, за право быть «номером один» в табели о рангах военно-научного бизнеса Соединенных Штатов. При этом атмосфера противоречий бывает иногда накалена до такого предела, что пресса начинает беспокоиться об «этике игроков». И все же такого рода сражения — всего лишь «буря в стакане воды» по сравнению с тем мощным цунами, которое бушевало в Лос-Аламосе после 3 сентября 1949 года, когда Советский Союз лишил Соединенные Штаты монополии на атомное оружие.

¹ Имидж (англ.) — образ в воображении, сложившееся представление.— В. С.

«Стопроцентный» ответ на вопрос «Как быть дальше?» в Лос-Аламосе знал, похоже, один-единственный человек — Эдвард Теллер. Услышав известие о советском атомном взрыве, он потребовал безотлагательно приступить к созданию водородной бомбы. В ходе работ над «Малышом» и «Толстяком» ученые в Лос-Аламосе пришли к выводу, что атомная бомба может быть использована в качестве своего рода детонатора для производства взрыва невиданной разрушительной силы, способствовать реакции синтеза — высокотемпературному слиянию легких ядер в более тяжелые с последующим высвобождением колоссального количества энергии.

Эдвард Теллер был буквально одержим этой идеей. Мысль создать водородную бомбу захватила его еще летом 1942 года. Именно с этого времени его коллеги по Лос-Аламосу все чаще начали именовать Теллера не иначе, как «апостол супербомбы», «союзник ада». «Апостол» неистовствовал, сгорал от нетерпения, ратовал за ускорение работ над «супербомбой».

29 октября 1949 года на заседании Главного консультативного комитета атомной комиссии, в который входили восемь известных физиков-атомщиков, решался вопрос, создавать ли термоядерное оружие или нет. Физики Ферми и Раби заняли резко отрицательную позицию. Шесть оставшихся членов комитета, включая и председателевавшего Оппенгеймера, не были столь категоричны, но по целому ряду причин выступали против производства водородной бомбы. Свою настоящую позицию Р. Оппенгеймер сформулировал в известных тезисах, которые сводились к следующему:

Бомбу нельзя производить по причинам моральным; процесс производства бомбы слишком рискован, и неизвестно, возможно ли ее вообще произвести; с военной точки зрения это оружие обладает слишком большой разрушительной силой, и потери были бы бессмысленно велики; невозможно мирное использование водородной бомбы.

Оскорбленный в «лучших» чувствах Э. Теллер апеллировал к Совету национальной безопасности. Последний, в свою очередь, призвал президента издать приказ о форсировании работ по созданию водородной бомбы. 31 января 1950 года президент Трумэн принял решение по этому вопросу и объявил американцам: «Я предписал

атомной комиссии продолжать работу над всеми видами атомного оружия, включая водородное».

Сообщение о решении президента США застало Э. Теллера в Лос-Аламосе. Он торжествовал победу. Преисполненный радости, как выпускник колледжа, только что сдавший последний экзамен, он зашел к преемнику Р. Оппенгеймера на посту руководителя атомной лаборатории Норрису Брэдбери с целью сразу же, на месте уточнить формальности начала разработки термоядерного оружия. Брэдбери опустил Теллера на бrenную землю, вразумительно заявив: «Смысл выступления президента Трумэна недостаточно ясен». Теллер понял, что ни профессор Оппенгеймер, ни его единомышленники не думают сдаваться даже после приказа президента. Он осознал, что фраза «Ни одна битва пока не проиграна и не выиграна», брошенная как-то невзначай Оппенгеймером, была в его устах не просто красным словцом.

В тот день Э. Теллер объявил беспощадную войну Лос-Аламосу. «Карфаген должен быть разрушен» — этими словами римского сенатора Катона Старшего, который все свои речи заканчивал призывом к войне с Карфагеном, можно определить смысл всех воинствующих деяний Теллера. Венец этих деяний — создание Ливерморской лаборатории ядерных исследований.

Здесь самое время несколько подробнее остановиться на некоторых моментах биографии Эдварда Теллера. Он родился в Будапеште в 1908 году, когда Венгрия входила в состав двуединой монархии — Австро-Венгрии. Богатая адвокатская семья, в которой появился новорожденный, играла в городе значительную роль. Отрочество и юность Теллера еще носили на себе последние отблески аристократического великолепия придунайского королевства.

«Проходить университеты» Теллер поехал в Данию, в Институт теоретической физики, которым руководил Нильс Бор. Был стипендиатом американского фонда Рокфеллера, а в 1935 году переехал на постоянное место жительства в Соединенные Штаты. Здесь он активно включился в работы по изучению тайн ядра атома, термоядерных реакций, занялся разработкой теорий астрофизики. Затем Теллер принимал непосредственное участие в реализации проекта «Манхэттен», то есть в создании первой атомной бомбы.

Любопытная деталь: в 1943 году, в разгар работ по созданию атомной бомбы, Э. Теллер слыл энтузиастом плана радиоактивного заражения пищи для того, чтобы отравить по меньшей мере полмиллиона человек. Этот бесчеловечный замысел не был осуществлен из-за негативного к нему отношения со стороны Р. Оппенгеймера, Э. Ферми и других ученых. О том, что такой проект существовал, сообщил в июне 1985 года журнал «Технологии ревью», издаваемый Массачуссетским технологическим институтом. Когда Теллера попросили прокомментировать это сообщение, он сказал, что «ничего подобного не помнит»...

Вместе с Э. Теллером у истоков Ливерморской лаборатории стоял Эрнест Лоуренс. В 1930 году он развил идею и построил первый циклотрон — ускоритель заряженных частиц в постоянном электромагнитном поле. За это изобретение он был в 1939 году удостоен Нобелевской премии. После смерти Э. Лоуренса в 1958 году лаборатория стала носить его имя, а в деревянном домике с вывеской «Для посетителей» рядом с моделями бомб, ракет, торпед и мин, изобретенных в Ливерморе, висит бюст.

Когда работы над американской атомной бомбой приобрели широкие масштабы, Э. Лоуренс передал в распоряжение участников Манхэттенского проекта свой циклотрон и сам активно включился в новое для него дело.

Много времени Э. Лоуренс отдавал проведению опытов по электромагнитному отделению редкого урана-235 от обыкновенного урана-238. Его физическая лаборатория в Беркли стала экспериментальной базой для секретного завода по обогащению урана-235. Завод этот дал рождение городу Ок-Риджу, который возник в пригороде Ноксвилла в живописной долине реки Теннесси.

Позднее Э. Лоуренс сблизился с Э. Теллером и с легкой руки последнего превратился в энтузиаста водородной бомбы. В разгар споров вокруг водородной бомбы Э. Лоуренс и доктор Льюис Алварес добились аудиенции у тогдашнего председателя комиссии по атомной энергии Д. Лилиентала. Ученые заявили, что возможности создания такой бомбы вполне реальны, а Лилиенталь, как потом описывал этот прием Э. Теллер, якобы резко повернулся к ним спиной и, не сказав ни слова, удалился...

К ученым, изъявившим желание работать в новоиспеченной лаборатории в Ливерморе, предъявлялись жесткие требования. Неуступчивость, напористость, в чем-то даже агрессивность — эти черты характера ценились больше всего. Внутренняя неудовлетворенность, вызванная мучительными сомнениями, полностью исключалась. «Сегодняшняя наука должна быть воинствующей» — таково было кредо Э. Теллера, которое он вознамерился воплотить в каждодневную научную практику. Несколько позже, весной 1954 года, во время слушаний «дела» Оппенгеймера в специально созданном Комитете безопасности атомной комиссии Теллер еще больше конкретизировал свои взгляды на ученых: «...От солдата требуется, чтобы он в бою отдавал все: свой энтузиазм, возможности и весь свой моральный потенциал. То же самое мы должны неуклонно требовать и от наших ученых. Тем более, что сегодня их работа для обороны Соединенных Штатов Америки намного важнее, чем боевые качества наших солдат...»

Сразу же после создания Ливерморской лаборатории в ней начались интенсивные эксперименты по созданию водородной бомбы. Была поставлена задача как можно скорее подобрать ключ к замку, под которым все еще оставался принцип «fusion» — соединение атомов легких элементов.

Теоретические основы проблемы были открыты еще в конце 30-х годов, когда английский физик Аткинсон высказал мнение, что на солнце происходят термоядерные реакции, которые сопровождаются выделением колоссальной энергии. Теперь предстояло в кратчайшие сроки преодолеть технические сложности, научиться управлять термоядерными реакциями и начать производство оружия тотального уничтожения.

В начале ноября 1952 года на тихоокеанском атолле Эниветок — коралловом кольце диаметром 23 мили, окружающем мелководную лагуну, — было испытано американское водородное устройство. Его мощность равнялась 12 мегатоннам, то есть в 600 раз превышала мощность атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму.

Э. Теллер потирал руки. Сбывалась его давнишняя мечта: он стал кумиром воинствующих кругов, а до водородной бомбы было рукой подать. Да и американское военное превосходство, которым мистер Теллер бук-

важно бредил по ночам (и днем тоже), казалось таким близким...

Клемент Эттли, занимавший пост премьер-министра Великобритании с 1945 по 1951 год, вспоминал после смерти архитектора «холодной войны» Уинстона Черчилля, как последний однажды прореагировал на решение одного из членов консервативной партии примкнуть к либералам — партии, которая ни в какой мере не могла соперничать с основными партиями Великобритании — консервативной и лейбористской. Черчилль сказал тогда: «Это, наверное, единственный случай в истории, когда крыса поплыла к тонущему кораблю».

С самого начала создания Ливерморской лаборатории ее основатель и первый директор Эдвард Теллер «поплыл к тонущему кораблю», имя которому — военно-научное превосходство над Советским Союзом. Химерическими оказались его «ливерморские мечтания» о «вечном» отставании советской науки и техники.

...Никто не хотел в это верить, но сомнений оставалось все меньше: тщательный анализ радиоактивной пыли подтвердил, что в Советском Союзе произведен взрыв одного из видов водородной бомбы. Точки над «i» были поставлены 20 августа 1953 года, когда Телеграфное агентство Советского Союза распространило по всему миру правительственное сообщение из Москвы о взрыве в испытательных целях первой водородной бомбы.

Вскоре консультанты из атомной комиссии подготовили для президента США Дуайта Эйзенхауэра обстоятельный доклад, в котором говорилось, что испытание советской водородной бомбы было проведено 12 августа 1953 года, причем взорвано было не внушительных размеров экспериментальное устройство, а транспортабельная бомба — об этом свидетельствовали обнаруженные следы лития.

Никому не доставляет удовольствия признавать неприятную правду. Э. Теллер никак не хотел верить и осознавать, что соревнование проиграно. И не только он один находился в таком положении. Президент Эйзенхауэр поначалу даже решил наложить табу на сообщение из Москвы, скрыть его от американской общественности. Когда это сделать не удалось, Г. Трумэн и Дж. Ф. Даллес поспешили публично заявить, что водородной бомбы у

Советского Союза конечно же не может быть. «Не может быть, потому что быть не может никогда», — все, словно по Чехову. Для пущей убедительности была обнародована версия, согласно которой 12 августа 1953 года взорвалась не водородная бомба, а всего лишь навсего в глухом уголке Сибири взлетела на воздух какая-то экспериментальная лаборатория. Всего делов-то...

Но что бы ни говорили «сильные мира сего» из американских коридоров власти, к каким бы фальсификациям они ни прибегали, факт оставался фактом: Советский Союз создал водородную бомбу и тем самым еще раз продемонстрировал, что он не допустит превосходства над собой в военно-техническом отношении. Э. Теллер, не устававший все время повторять, что американская наука и техника намного обогнала советскую, оказался в незавидном положении. Однако ничто не могло его свернуть с пути. Переживший войну не на фронтах, а в приятной тишине лабораторий, окруженный роскошью и заботой, он не чувствовал личной ответственности за каждого заживо сгоревшего ребенка в Хиросиме и Нагасаки, не проклинал свои руки и свой мозг, ставшие причиной гибели сотен тысяч людей. Теллер соединил свою судьбу с водородной бомбой и вместе с ней, как он потом высокопарно отмечал, «шел к славе и вечности». Вернее будет сказать — к вечному бесславию.

Теллер добился своего. Им восторгаются генералы из «пятигранника на Потомаке», воротилы военного бизнеса и «ястребы» с Капитолийского холма, в том числе тогда еще только появившийся на арене политической жизни США член палаты представителей Генри Джексон, которого позже назовут «сенатором от «Боинга». 1 марта 1954 года, то есть полгода спустя после испытания водородной бомбы в Советском Союзе, американская «супербомба» была взорвана над атоллom Бикини в Тихом океане.

С тех незапамятных пор Эдварда Теллера величают в Соединенных Штатах «отцом водородной бомбы». Подобно воспетому греческой мифологией легендарному скульптору Пигмалиону, который влюбился в изваянную им статую Галатеи, Э. Теллер воспылал прямо-таки патологической страстью к своему детищу. «Супербомба» стала как бы его личной собственностью, он к ней относился не иначе, как к своему достоянию, которое требует

довольно ревностной опеки. Кликушеские славословия в адрес своего творения превратились в неотъемлемую часть многочисленных статей, интервью и выступлений Теллера. «Пигмалион ядерного века» не покладая рук рекламировал свое «сверхоружие» как «надежную защиту свободного мира».

Но прежде чем стать «надежной защитой», водородная бомба начала убивать людей. Радиоактивный пепел, образовавшийся после взрыва бомбы над атоллom Бикини, накрыл в Тихом океане японскую рыболовную шхуну «Фукурю-мару». Жертвами «пепла смерти» стали 23 рыбака. Один из них — радист Айкити Кубояма скончался от лучевой болезни. «Пусть я буду последней жертвой ядерного оружия!» — таковы были слова Кубоямы, сказанные перед смертью.

Он не стал последней жертвой. 23 взрыва американских ядерных бомб (как бы по одному на каждого рыбака со шхуны «Фукурю-мару»!) прогремели над атоллom Бикини. Местные жители до сих пор умирают и испытывают нечеловеческие страдания от лучевой болезни, принесенной облаками радиоактивного пепла. Согласно элементарной логике, их надо было бы срочно эвакуировать и усиленно лечить. Но это согласно элементарной логике. Сотрудники Ливерморской лаборатории конечно же не могут позволить себе опуститься до такой логики. Поэтому они воспротивились любой эвакуации. Их письменное заключение, составленное после обследования Бикини, гласило: «Это место является наилучшим в мире для изучения воздействия плутония на человеческий организм».

Итак, утратив монополию на атомную бомбу, вашингтонские стратеги по наущению Э. Теллера сделали ставку на бомбу водородную. Но «водородная монополия» не то чтобы оказалась эфемерной, она просто не состоялась. Опять возник вопрос: «Что же делать дальше?»

Э. Теллер, ставший к тому времени своего рода «почетным председателем» негласного союза, в который входили «большезвездные» генералы из Пентагона, правые политики и реакционные ученые из ядерных лабораторий, снова выступил в роли эдакого научного медиума при президенте Эйзенхауэре. Он указал путь: форсировать разработку межконтинентальных баллистических ракет.

Но дело в том, что ведущим конструктором такого рода ракет по-прежнему оставался Вернер фон Браун — один из руководителей германского военно-исследовательского ракетного центра в Пенемюнде, создатель ракеты «Фау-2». В 1945 году фон Браун обрел себе новых хозяев в Соединенных Штатах и работал сначала на полигоне Форт-Блисс, а затем в ракетном центре в Хантсвилл (штат Алабама), который назван после смерти Вернера фон Брауна в 1977 году его именем.

Это обстоятельство Э. Теллера не смущало. Он решил, что пальма первенства должна во что бы то ни стало перейти к Ливерморской лаборатории, которая к тому времени стала наряду с Сандийской национальной лабораторией (штат Нью-Мексико) и атомной лабораторией в Лос-Аламосе одним из трех «китов» военных научно-исследовательских работ в Соединенных Штатах. А почему бы и нет? Ведь «на выходе» из Ливермора были и боеголовки для ракет «Поларис» и «Посейдон», и кассетные боеголовки для межконтинентальных баллистических ракет «Минитмен»...

Казалось бы, у обитателей лаборатории в Ливерморе было все: просторные помещения, заказы правительства, высокие оклады. У них не было одного — девиза. Существует предание, что сам основатель лаборатории, который, как мы уже убедились, особой скромностью не страдал, покончил и с этим «неудобством», придумав для лаборатории такой лозунг: «Верь: только господь бог может создать лучшую боеголовку, чем наша». Девиз был выдуман в пику «скромнягам» из Лос-Аламоса, которые объединились под лозунгом: «Мы собрались сюда, чтобы служить нашему народу, если, конечно, он в нас нуждается». Ничего другого, считал Э. Теллер, эти «слабаки», заламывавшие руки от чрезмерной чувствительности, превратившие эмоции в своеобразную политическую линию, придумать и не могли. Им бы, издевался он, разыгрывать трагедию Шекспира, а не строить бомбу.

Отвечая на просьбу обозревателя «Вашингтон пост» Уолтера Пинкуса прокомментировать девиз лаборатории, один из официальных представителей Ливермора сказал: «Наша работа состоит в том, чтобы постоянно совершенствовать вооружения... Создавая все новые и новые вооружения, мы обновляем их запасы, и бог воздаст нам за это сторицей».

Итак, к рубежу 60-х годов Ливерморская лаборатория ядерных исследований, созданная с благословения министерства обороны США, превратилась в крупный военно-научный центр, в «ядерную Мекку Пентагона». Из нее уже «вышли» к тому времени водородная бомба и другие «адские машины». Но по-настоящему «звездный час» лаборатории был еще впереди. На чертежных столах ученых лежали листы с проектами новых ядерных боеголовок и бомб, еще никому не ведомые средства разрушения чудовищной силы...

Сэмюел Козн и его «Бэби»

«Это одно из немногих мест в Америке, где на вопрос, как зарабатывает отец на жизнь, ребенок ответит вам: создает ядерную бомбу» — так писала о лаборатории в Ливерморе газета «Вашингтон пост».

Следующей бомбой, вышедшей из недр Ливермора, была нейтронная. «Бэби» — так назвал эту бомбу ее создатель, один из ближайших сотрудников Э. Лоуренса и Э. Теллера в Ливерморе Сэмюел Козн. Некоторое время С. Козн был учеником Р. Оппенгеймера, участвовал в создании первой атомной бомбы.

В 1953 году, когда С. Козн был еще совсем молодым консультантом Ливерморской лаборатории, судьба столкнула его с генералом Кёртисом Лимеем, слывшим тогда «законодателем мод» в военно-воздушных силах США. У генерала была своя теория войны, отличавшаяся дьявольски жестокой простотой. Он считал, что необходимо стремиться к обладанию таким оружием, которое может обеспечить многократное уничтожение противника.

«Что такое война?» — любил риторически вопрошать Лимей, как много лет спустя вспоминал С. Козн. — Война — это каждодневная необходимость убивать людей. И когда вы убьете их достаточно много, противник прекращает сопротивление — вы выигрываете войну». Лимей ратовал за то, чтобы ученые как можно скорее создали самую мощную боеголовку. Когда вверенные мне самолеты будут буквально наспигованы бомбами, мощностью в 20 мегатонн и более, говорил генерал, только тогда мы сможем прикинуть различные варианты уничтожения Советского Союза.

Эти «философские беседы» оставили глубокий след в сознании С. Козна. Генералу удалось обратить молодого

физика в свою веру — веру человеконенавистника. А чтобы С. Коэн воочию мог убедиться, как «мало еще у Америки самолетов и бомб, способных превратить Россию в дымящиеся руины», Лимей послал его с инспекционной поездкой в штаб-квартиру Стратегического авиационного командования США (САК) в город Омаху (штат Небраска). Оттуда Сэмюел Коэн возвратился убежденным сторонником программ создания новейших систем оружия и с утроенной энергией включился в военно-научные работы, которые велись в то время в Ливерморе.

Вскоре он сконструировал боевую ракету «Найк», а в конце 1958 года впервые представил Пентагону доклад о принципе нейтронного оружия. В 1959 году, десять месяцев спустя после смерти Э. Лоуренса, он самостоятельно подготовил чертежи нейтронной бомбы и с той незапамятной поры считается ее крестным отцом.

Вот как сам Коэн ответил на вопрос «Как вы изобрели бомбу?»: «Это произошло летом 1958 года. Комиссия министерства обороны предложила мне изучить возможность создания ядерного оружия для использования на поле боя. Тогда я отправился в одну из лабораторий (Ливерморскую. — В. С.) и там сделал определенное открытие, из которого родилась нейтронная бомба». Все, как говорится, без лишних сложностей.

Что же это было за открытие? Двадцать три года спустя после разработки теоретических основ нейтронного оружия в печально знаменитом интервью голландскому телевидению, обошедшему всю мировую печать и очень точно нареченному «исповедью людоеда», С. Коэн сказал: «В его основу положено явление, называемое нами ядерным синтезом. Это — «чистое оружие» с небольшой радиоактивностью, которая считается вредной. Это, собственно говоря, огромный рентгеновский аппарат... И вот наверху, в воздухе примерно на высоте 1000 метров над городом я взрываю мою нейтронную бомбу.

В обычной военной ситуации, скажем, в бою за город, мы облучаем армию противника. Но воздушная ударная волна, возникающая при таком взрыве высоко в воздухе, не достигает поверхности земли — ее ограничивают.

Именно поэтому нейтронную бомбу характеризуют как бомбу, которая убивает людей, но щадит материальные ценности. Когда меня спрашивают, не аморально ли убивать людей, но щадить собственность, я всегда отвечаю:

эти люди — солдаты противника, а пощадить материальные ценности — очень правильно...»

Да, очень правильно с точки зрения человека с извращенным мышлением, которое вырабатывается обществом «всеобщего потребления». Ведь недаром же эта бомба была названа «самой капиталистической» по своей глубинной сущности. Убить людей и завладеть имуществом, ценностями, недвижимостью. Что может быть милее для жалкой, растленной душонки буржуа, всеми фибрами своими алчущей одного — как бы побольше хапнуть.

Когда на дорогах Америки случается авария, подоспевшая дорожная полиция заботится только о пострадавших людях — водителях, пассажирах, прохожих. Разбитые, превращенные в бесформенную грудку металла автомашины становятся «головной болью» клерков страховых компаний. Это, как нам кажется, правильно и гуманно. И вот появляется в Ливерморской лаборатории физик-атомщик и как бы предлагает в случае вооруженного конфликта позаботиться прежде всего о машинах, а на людей с высокой колокольни наплевать...

Идея создания нейтронного оружия, или оружия с повышенной радиацией, увлекла многих высших чинов Пентагона, в том числе тогдашнего министра обороны Томаса Гейтса. Бомбой живо заинтересовался и президент Соединенных Штатов Дуайт Эйзенхауэр. Еще бы. Ведь средства массовой информации — и не только американские, но и западноевропейские — вовсю взялись хвалить новое оружие.

«Нью-Йорк таймс» в различных вариантах цитировала многочисленные высказывания С. Козна, суть которых сводилась к тому, что использование нейтронного оружия было бы более эффективным, чем применение ядерного и обычного оружия. «Мы снижаем ударную силу взрыва и тепловое воздействие до такой степени, чтобы достичь желаемого радиуса уничтожения» — так характеризовал на страницах американской печати принцип нового оружия коллега Козна Альфред Старберд. Шпрингеровская газета «Вельт» писала, что при наличии нейтронной бомбы в годы второй мировой войны «красота Дрездена осталась бы в целости, несмотря на гибель его жителей. ...Новая бомба убивает людей, сохраняя окружающий мир невредимым».

Пока на страницах печати, в передачах радио и теле-

видения ломались копыя вокруг того, «выгодна» или «невыгодна» нейтронная бомба, Сэмюел Коэн тихой сапой продолжал свои исследования в Ливерморе. Причем очень деятельное участие в этих работах принимали известные физики Гарольд Браун и Герберт Йорк. Запомним этот факт. Именно эти ученые почти двадцать лет спустя «вспомнят» об этих работах и будут ратовать за полномасштабное производство нейтронного оружия.

Но это будет потом. А пока Коэн предпринимал одну попытку за другой, чтобы убедить Белый дом в «преимуществах» оружия усиленной радиации. Однако в ход событий вмешался ставший незадолго до этого советником президента Эйзенхауэра профессор Джордж Кистяковский. Его ответ Коэну, последовавший в конце 1959 года, был исчерпывающе краток: «Мы не заинтересованы в предлагаемом вами оружии».

Профессор химии Джордж Кистяковский прожил непростую, изобилующую крутыми изломами жизнь. Русский по происхождению, ровесник XX века, он не принял революцию, воевал против нее в рядах белогвардейцев, а в 1926 году эмигрировал в Соединенные Штаты. Принимал непосредственное участие в «Манхэттен дистрикт» — проекте производства первой атомной бомбы. Он был одним из тех трех человек, которые последними, за полчаса до первого атомного взрыва, покинули 16 июля 1945 года башню из стальных ферм, на которой была установлена грушевидная бомба, названная «Толстяком».

Вечером того же дня Кистяковский прервал тягостное молчание словами: «Я уверен, что перед концом мира, в последнюю миллисекунду существования Земли последний человек увидит то же, что видели мы».

Именно Джордж Кистяковский, как потом возмущенно вспоминал Коэн, не пожелал разделить восторги по поводу «нового чудодейственного оружия», громоздящего горы трупов противника и сулящего захват целехонького, неповрежденного имущества. Советника президента не вдохновили попытки выдать средство массового истребления людей за некое устройство, всецело подчиненное закону прибыли и полностью отвечающее целям капитала. Профессор Кистяковский отмел людоедские доводы Коэна, заметив, что «нейтронная радиация поразит мирное население за пределами взрыва и может вызвать опасные генетические последствия для грядущих поколений челове-

чества». На это у Коэна контраргументов не нашлось. Ему пришлось прекратить рекламу «Бэби», но работы над нейтронным оружием он решил продолжать, не сбавляя обороты.

31 августа 1961 года было опубликовано заявление Советского правительства, в котором, в частности, говорилось: «Сейчас в США носятся с проектом создания нейтронной бомбы — такой бомбы, которая умерщвляла бы все живое, но не разрушала бы при этом материальных ценностей. Только агрессоры, мечтающие о разбое, о захватах чужих земель и о чужом добре, могут мобилизовать усилия ученых на создание подобного оружия».

Это заявление несколько поубавило пыл у некоторых «горячих голов» и в Вашингтоне, и в Ливерморе. Посоветовавшись со своими помощниками, президент Джон Кеннеди отклонил идею создания нейтронной бомбы, предназначенной для применения на поле боя. Глава Белого дома мотивировал свое решение тем, что нейтронная бомба «облегчает переход военного конфликта на неконтролируемый ядерный уровень», а это не отвечает настоящим потребностям национальной безопасности страны.

Однако в Ливерморской лаборатории делали вид, что все это никак их не касается. Там продолжали делать свое дело. Весной 1963 года в безлюдной пустыне штата Невада было взорвано нейтронное устройство «W-63». Исподволь нейтронными боеголовками оснастили около тридцати противоракет «Спринт». Затем начали подготовку к экспериментам, преследующим цель произвести нейтронные артиллерийские снаряды и нейтронные боеголовки к тактическим ракетам класса «земля — земля».

Час «оружия для уничтожения людей» снова пробил в 1975 году, когда тогдашний министр обороны Джеймс Шлесинджер объявил о новой серии испытаний нейтронного оружия. Обнародование же планов и разработок, ведущихся по заказу американского министерства энергетики, выпало на президентство Джеймса Картера.

Летом 1977 года президент из штата Джорджия Джимми Картер заявил, что США намерены не только начать производство нейтронной бомбы, но и разместить ее в Западной Европе. Кто же надоумил его дать «зеленый свет» бомбе, которая убивает все живое своим излучением?

Вот теперь самое время вспомнить о Гарольде Брауне и Герберте Йорке. Первый при Картере стал министром

обороны, а второй — одним из советников Пентагона. Они-то и «посоветовали» президенту возродить идею создания нейтронного оружия. Но воспротивились люди — те, против кого обращено новое оружие. По всей планете прокатилась мощная волна протестов.

Столкнувшись с возмущением повсюду в мире, а также с негативной реакцией в собственной стране, Картер начал лавировать. Дальнейшую судьбу бомбы он решил максимально затуманить: сначала — в апреле 1978 года — Белый дом объявил об отсрочке «окончательного решения» по данному вопросу, а затем — в октябре того же года — отдается распоряжение о «завершении исследовательских работ» и производстве «основных компонентов» оружия.

Тогда же были определены «первоочередные нужды в оружии повышенной радиации» — 350 боеголовок для ракет «Лэнс» и 800 снарядов для гаубиц калибра 203 миллиметра. Назывались и вполне конкретные сроки принятия на вооружение нейтронного оружия — середина 1981 — конец 1983 года.

Настроение у притихшего было С. Коэна стало куда более радостным: он понимал, что дело пошло на лад, а значит, не за горами тот день, когда наконец-то широким потоком хлынут средства, необходимые для начала серийного производства его детища. Одно только не могло не беспокоить: ширящееся изо дня в день движение протеста против планов развернуть производство нейтронного оружия.

«Гуманизм», «христианскую чистоту» нейтронной бомбы отвергали во всех уголках земного шара. «Эта бомба, имеющая целью уничтожение людей, нарушает элементарнейшее право человека — право на жизнь и мир», — говорилось в обращении конгресса Объединенных немецких профсоюзов, принятом в Гамбурге в 1978 году. «Воздействие нейтронных бомб, — писал известный в Америке ученый-физик Ричард Гарвин, — можно сравнить с инъекцией человеку огромной дозы сильнодействующей кислоты. Человек, говоря на жаргоне американских ядерных лабораторий, просто превращается в жижу». «Худшим изобретением человечества» назвал бомбу тогдашний президент Мексики Хосе Лопес Портильо. «Говорят, что это гуманная бомба. Но ведь она гуманна лишь по отношению к зданиям», — саркастически заметил американский специалист по проблемам разоружения Герберт Сковилл.

Кошунственными назвали попытки определить нейтронную бомбу как «христианскую» религиозные деятели. «Создание нейтронной бомбы окажет стимулирующее влияние на гонку вооружений и на разработку новых изощренных способов ведения войны. Кроме этого, нейтронное оружие усилит опасность для человечества, ибо само его наличие приближает опасность вспышки войны с применением ядерных средств ее ведения» — так охарактеризовал нейтронное оружие патриарх Московский и всея Руси в послании папе Павлу VI.

Нейтронные прожекты Белого дома осудили социалисты и социал-демократы Финляндии, Швеции, Австрии, Японии, Голландии. Демонстрации протеста прошли в Канаде, Австралии, Великобритании. В 1978 году Советский Союз внес в ООН проект резолюции, запрещающей нейтронную бомбу.

Сэмюел Коэн и иже с ним пустились во все тяжкие с целью «облагородить» «чистое оружие». Для начала решили устроить весьма примечательные крестины. На них никто не выстригал пушистые волосики на головке пухлощекого младенца. По той простой причине, что младенца как такового вообще не было. Крестницей была нейтронная бомба. Дотошные журналисты, которым палец в рот класть крайне опасно, утверждали, что на этих знатных крестинах все было продумано до мельчайших деталей: даже вино было подобрано подходящее для церемонии — редкие сорта белого калифорнийского, которое производится в окрестностях Ливермора.

Для чего же понадобилось крестить «Бэби», у которой давно уже было имя? Да потому, что имя это успело приобрести дурную славу. И вот «повивальные дедки» из Ливермора вместе с крестными отцами из Пентагона надумали перекрестить нейтронную бомбу в «боеголовку ограниченной взрывной силы и усиленного излучения» (английская аббревиатура — RW/ER).

Пентагоновский журнал «Спотлайт», поместивший сообщение о крестинах, разъяснил, что название «нейтронная бомба» хотя, дескать, и популярно, но совершенно неточно. А вот наименование RW/ER наиболее полно отражает кроткий характер крестницы, предназначенной «для обороны НАТО, исключаящей разрушение тех стран, во имя защиты которых мы будем бороться».

По команде из «пятигранника на Потомаке» это «крест-

ное свидетельство» было опубликовано во всех американских армейских газетах, которые издаются в Западной Европе. Цель? «Сражаться с информацией, живописующей появление боеголовок ограниченной взрывной силы и усиленного излучения как рождение нового коварного оружия смерти».

Название журнала «Спотлайт», издаваемого министерством обороны США для старших чинов, переводится на русский язык как «прожектор». Но похоже, этот «прожектор» не проливает свет, а сеет тьму. Иначе как расценить следующую сентенцию журнала: «Ничего зловещего в нейтронной бомбе нет. Это просто улучшенная версия тактического ядерного оружия, находящегося уже в течение ряда лет в армейской номенклатуре».

По мере того как становились известны подлинные факты о «гуманизме» и «моральной чистоте» нейтронной бомбы, все больше распалялся и сам ее «отец» — С. Коэн. «При чем тут моральные соображения? — разглагольствовал он на страницах как американской, так и западноевропейской печати. — У нейтронной бомбы усиленная радиация. Вот и все. Ну, конечно, в эпицентре взрыва люди погибнут в считанные минуты. А те, кто окажется вдали от эпицентра, протянут несколько недель. Потом их, возможно, доконает лучевая болезнь».

Небезынтересны, более того, любопытны и некоторые другие высказывания, относящиеся к концу 70-х годов. «Эта бомба будет убивать лишь людей, но оставит в сохранности здания... Просто смешно утверждать, что негуманно применять это оружие... Массовое движение протеста против этого оружия инспирировано советским КГБ...» — эти перлы изысканной словесности взяты нами из одного из выступлений, произнесенных в 1978 году Александром Хейгом — тогдашним главнокомандующим войсками НАТО в Европе. Год спустя он подаст в отставку с этого поста и мотивирует ее «несогласием с решением Картера об отсрочке производства нейтронного оружия».

Говорят, что примерно в это же время на одном из приемов к С. Коэну подошел адмирал Герберт Хопвуд, который в середине 50-х годов был военным советником государственного секретаря США Джона Фостера Даллеса, и в сердцах сказал: «Если бы Даллес был жив, нейтронная бомба была бы построена и развернута без задержки».

После этого расчувствовавшийся Сэмюел Коэн долго жал руку Хопвуду, благодаря его за сочувствие и расточая похвалы в адрес Дж. Ф. Даллеса — вдохновителя и последовательного проводника политики «с позиции силы» и «благоденствия на грани войны».

Что ж, пока рыцари «холодной войны» предавались приятным воспоминаниям и вздыхали по даллесовским временам, в Белый дом пришла администрация Рейгана, которая на второй неделе пребывания у власти подняла вопрос о нейтронном оружии. Уже в ходе своей первой пресс-конференции 3 февраля 1981 года новоиспеченный министр обороны Каспар Уайнбергер запустил пробный шар, как бы невзначай заявив, что новая администрация «была бы заинтересована в использовании» нейтронного оружия. Шар этот сразу же оказался в пучине такой лавины гнева и возмущения, что Вашингтон вынужден был прибегнуть к всякого рода опровержениям, разъяснениям, клятвам и заверениям.

Но к чему все это? Ведь лидеры пришедшей к власти «команды» уже давно полюбили нейтронную бомбу. Вспомним приводимые ранее высказывания А. Хейга, получившего от нового президента портфель государственного секретаря Соединенных Штатов. Нелишне здесь будет вспомнить и о том, что, командуя полком, принимавшим участие в войне во Вьетнаме, А. Хейг не раз склонялся к мысли о необходимости применения там атомного оружия, о чем свидетельствуют его рапорты в Пентагон. А чего стоит его кощунственное «крылатое выражение» о том, что «есть вещи поважнее, чем мир»?

Короче говоря, бомба наконец-то — к радости обитателей Ливермора — попала «в надежные руки». И все пошло как по маслу. В июне 1981 года США приступают к производству нейтронных боеголовок для ракет «Лэнс», а с июля поставили на поток производство 203-мм нейтронных снарядов. От греха подальше решили поначалу все валить на Картера: это, мол, выполняются распоряжения предыдущего президента.

Но бесконечно сваливать все на Картера было нельзя. Ливермор ждал от хозяина Белого дома решительных шагов. К тому же Рейгана торопили высшие военные чины. «Офицеры сухопутных сил, — писала газета «Вашингтон пост», — заявили конгрессу, что если приказ о производстве нейтронных зарядов будет отдан до середины 1981 го-

да, то их выпуск будет налажен по графику, намеченному до того, как Картер отложил это дело».

6 августа 1981 года, в день памяти жертв атомной бомбардировки Хиросимы, американский президент принял решение приступить к полномасштабному производству нейтронного оружия. Трудно сейчас гадать, случайно или нет совпадение этих дат. Однако следует сказать вот о чем: страшно, когда политические деятели, облеченные большой властью, не задумываются над историческими параллелями и не обращают внимания на то, когда и какое решение они принимают. Чудовищно, когда они это делают умышленно или по какой-то преступной забывчивости.

Итак, нейтронная бомба как бы появилась на свет божий во второй раз. Великовозрастному дитяти, перевалившему на третий десяток, выдали наконец-то законное свидетельство о рождении и сделали это не абы как, а в президентском особняке — с большой помпой и с возгласами «Многие лета! Многие лета!». Да и Сэмюел Козн почувствовал себя снова «на коне», стряхнул с себя бремя грустных переживаний, связанных с затянувшимся признанием его нейтронного дитяти. Правда, «отец» нейтронной бомбы времени зря не терял: было создано несколько модификаций нейтронных зарядов. За «W-63» последовали «W-70», «W-77» и другие. Долгая предыстория нейтронной бомбы закончилась. Началась ее история.

Человек, хоть сколько-нибудь интересующийся политической жизнью в Соединенных Штатах, не мог не заметить для себя, как изысканно и витиевато американцы порой объясняют причины, побудившие их приступить к производству того или иного вида новейших вооружений. Чем же руководствовалась администрация Белого дома, благословившая производство нейтронной бомбы?

Оказывается, все очень просто: во главу угла были поставлены соображения... экономии. Да-да, ничего смешного. Поскольку, дескать, Картер распорядился о производстве отдельных компонентов «нейтронки», и они уже изготовлены, то теперь ничего другого не остается, как воссоединить их. Хранить их по отдельности, мол, много дороже. Таким образом, нейтронная бомба и не бомба вовсе, а... способ экономии статей военного бюджета. Вот так-то. На фестивале сатиры и юмора в болгарском городе Габрово те, кто придумали бы такое объяснение, наверня-

ка взяли бы первый приз. Там очень ценят рачительных хозяев, которые, ничтоже сумняшеся, отрубают в начале зимы хвост своей кошке: за ней можно гораздо быстрее захлопнуть дверь и сэкономить на тепле.

Наибольшей экономии можно было бы достичь, вообще отказавшись от оружия, военная и моральная ценность которого — вещь весьма сомнительная. Но это, как видно, в голову никому не пришло. Зато тщательно подумали над тем, когда лучше всего принять такое решение. Август — пора отпусков, а в отпуске люди предпочитают отдыхать, а не заниматься политикой. Потом уже вашингтонские стратеги признали, что «каникулярный период был немаловажным фактором при выборе времени объявления о президентском решении». Так шаловливый мальчонка, оставленный под присмотром отца, норовит съесть лишнюю ложку джема, заметив, что его многомудрый родитель слишком углубился в газету. Шалунишку-несмышлениша можно понять и простить. Но когда шалют взрослые дяди, да еще со смертоносным оружием, это никак не согласуется со здравым смыслом.

Памятуя о том, что намерение предыдущей администрации начать производство нейтронного оружия вызвало взрыв возмущения во всем мире, обитатели правительственных кабинетов в Вашингтоне решили быть мудрее самого Юлия Цезаря. Нейтронный Рубикон перешли втихую, без восклицаний «жребий брошен!», совсем не по-американски — так, словно бы произошло что-то совершенно обычное, почти рутинное, не заслуживающее особого внимания. Ну, придумали в Ливерморе «самую чистую» бомбу. Ну, заменят ее устаревшие образцы оружия. Что в этом, дескать, особенного? Посему и решение президента было принято нарочито небрежно, как бы проходя, перед его отъездом в отпуск. Если кто-то недоволен — пусть, дескать, шлет протесты вдогонку.

Но весь этот камуфляж не удался — протесты не заставили себя долго ждать. Они настигли президента даже в отпуске. Представители администрации замечались, как в лихорадке: необходимо было срочно искать аргументы в пользу нейтронного оружия. Для министра обороны США К. Уайнбергера защита нейтронного решения стала в течение довольно-таки продолжительного отрезка времени основным занятием. Он сумел даже установить своеобразный рекорд: за сутки выступил в восьми телевизионных программах!

Исходная позиция апологетов нейтронной бомбы была сформулирована Уайнбергером следующим образом: бурная оппозиция этому виду ядерного оружия в мировом масштабе вызвана «недопониманием» и «отчасти основана на незнании фактов». Как часто случается в подобных случаях, все дело свели к «козням Москвы», к «хорошо подготовленной пропагандистской кампании, руководимой Кремлем». Ларчик, дескать, открывается просто: нейтронная бомба — идеальное оружие против «полчищ русских танков», и поэтому в Москве так боятся начала ее серийного производства.

Досужую, к тому же отнюдь не оригинальную выдумку о палочке московского «дирижера» подхватили телевидение, радио, агентства и верноподданные обозреватели как в США, так и в других странах. На все лады они твердили о том, что решение о производстве нейтронной бомбы — исключительно «внутреннее дело» американского правительства, коль скоро она будет производиться и храниться в Соединенных Штатах.

Что это? Наживка для простаков или заведомая ложь? В конце концов бомба Сэмюэла Коэна могла храниться где угодно. Главное заключается в другом: где она будет взрываться. А на этот счет ни у кого никаких сомнений не было. «Трудно вообразить,— писал французский журнал «Кайе дю коммюнизм»,— применение нейтронной бомбы над Техасом для отражения наступления мексиканских танков или над Великими озерами в войне против Канады».

Газета «Нью-Йорк таймс» была еще более категорична: «...единственная территория, которая действительно подходит для применения оружия усиленной радиации,— это европейский театр, и, следовательно, решение о его производстве автоматически ведет к решению разместить его в Западной Европе».

Практические действия американской администрации вскоре полностью подтвердили эту гипотезу. Сначала в Западную Европу были доставлены нейтронные боеголовки для ракет «Лэнс» и для минометов «М-110 AG», а некоторое время спустя «команда Коэна» объявила о создании еще одного вида нейтронного оружия, предназначенного для использования на европейской территории. Речь шла об относительно небольшом (152 миллиметра в диаметре и 914 миллиметров в длину) артиллерийском снаря-

де для 155-мм орудия. За эту миниатюрную водородную бомбу, радиоактивное излучение которой действует на расстоянии в шесть раз большем, чем взрывная волна и тепловое излучение, «вундеркинды из Ливермора» запросили примерно один миллион долларов. Миллион из расчета за каждый будущий снаряд! Всего лаборатории было выделено около 2,5 миллиарда долларов. Вот уж поистине впечатляющее «бескорыстие» ученых мужей в мундирах!

На случай, если европейцы не захотят воспользоваться дарами «данайцев из Ливермора», Сэмюел Коэн предложил вооружить нейтронными бомбами «260 000 солдат, которых Соединенные Штаты щедро и уже давно предоставили для того, чтобы помочь оборонять Европу». Это решение, естественно, должно зависеть только от Соединенных Штатов.

Идея-фикс Коэна получила поддержку президента, который заявил в интервью газете «Нью-Йорк таймс», что «нельзя давать европейцам право вето в отношении военных решений, принимаемых Соединенными Штатами, и он не допустит больше, чтобы решения США находились в зависимости от поддержки союзников...».

Пентагон по-своему расценил заявление президента. Отказавшись от церемоний торжественного разрезания ленточки, некоторые представители военного ведомства, отбросив всякую дипломатию, взялись было «заталкивать в глотку» европейцам нейтронную бомбу. Пора, откровенно утверждали они, наконец-то «заставить европейских союзников поежиться».

Но в коридорах вашингтонских пропагандистских служб пришли к выводу, что главное средство — заставить западноевропейцев проникнуться любовью к нейтронной бомбе. После долгих дебатов решено было послать в Западную Европу самого «отца» бомбы Сэмюела Коэна. Уж он-то досконально знает все достоинства своего детища! Поэтому ему не составит особого труда вызвать к жизни целые легионы приверженцев нейтронной бомбы в Старом Свете.

Сказано — сделано. И вот на экранах голландского телевидения появился эдакий добренький папашка. Этакая душка с улыбкой до ушей. Голландский телерепортер, который вел беседу, спросил у самодовольного Коэна: «Доставляет ли вам удовольствие делать оружие?» Герострат XX века ответил: «Честно говоря, да. Это — вызов. Очень

увлекательное дело». Затем повернулся к рядом сидящей дочери и спросил: «Что скажешь по поводу того, что твой папа изобрел бомбу?» — «Мне абсолютно все равно», — без тени смущения ответила дочь. Коэн снова посмотрел прямо в камеру и добавил: «Я нахожу, что все люди отвратительны. Кто фактически не убивает, охотно убивал бы». И далее захлеб начал рекламировать нейтронную бомбу, особо расписывая эффективность ее применения в Европе.

Тележурналист, которому была отнюдь не безразлична судьба европейского дома, вполне резонно заметил: «Странно, однако, что вы все время толкуете о Европе, о войне в Европе. А я вот живу в Европе, и ваши слова не доставляют мне особого удовольствия».

«Логично, — не к месту еще шире улыбнулся «отец нейтронной бомбы». — На это я могу сказать только, что вам не повезло в том отношении, что вы живете по соседству с советским блоком. Вам угрожают, мы же отделены от них океаном».

Словно врач, исследующий патологию личности, журналист вел интервью далее: «Что происходит с солдатами, над которыми взрывается бомба?» Коэн невозмутимо отвечал: «Они получают тяжелые поражения в результате интенсивного нейтронного облучения. Большинство солдат в зоне облучения будут парализованы уже через две-три минуты. Облучение поражает центральную нервную систему, которая после этого уже не может функционировать».

«Разве это не ужасная смерть?» — недоумевал журналист. Современный заокеанский канибал продолжал показывать товар лицом: «...Если же сравнить психологическое воздействие нейтронной бомбы с воздействием традиционных видов оружия, то вы, вероятно, придете к выводу, что если уж выбирать между тем и другим, то вы сделаете выбор в пользу нейтронной бомбы...»

Здесь голландский телемаг нанес укол шпагой: «Ваш сын служит во флоте. Как вы будете себя чувствовать, если он станет жертвой бомбы?» Коэн впервые за все время несколько опешил, но сразу же нашелся: «О нет, нет, нет. Только не флот. Бомба не применяется на море. Если мой сын когда-нибудь попадет в военную зону, среди опасностей, с которыми он столкнется, не будет нейтронной бомбы. Скорее это будут торпеды или управляемые ракеты».

«Что бы вы предпочли: чтобы ему угрожали торпеды или нейтронная бомба?» — не унимался журналист. «Я бы, пожалуй, предпочел торпеду... — сказал после некоторого раздумья Коэн. — Торпеда топит корабль, но в этом случае мой сын мог бы спастись на плоту или на шлюпке... Следовательно, я бы предпочел, чтобы его корабль, уж если на то пошло, был атакован торпедами, потому что нейтронная бомба убивает людей и оставляет в целости корабль».

Оказывается, когда речь зашла о жизни и смерти его собственного сына, людоед атомного века вдруг обнаружил неведомое ему доселе чувство страха. Ведь Коэн всегда считал, что изобретенное им варварское средство массового уничтожения уготовано для других, но отнюдь не для него и его близких. Опасное, иллюзорное заблуждение.

Отсюда — его наглость, цинизм, лживость в суждениях о средствах возможного спасения мирных жителей от нейтронной бомбы. Вот только некоторые из многочисленных советов, расточаемых им: «Если НАТО решит использовать в Европе нейтронное оружие... граждане могут сделать две вещи: эвакуироваться, прежде чем начнется бой... или попытаться укрыться под землей, в укрытиях подвального типа, которые можно выстроить легко и дешево. Итак, наверху свирепствует бой, а они спокойно и в безопасности сидят под землей». Ничего не скажешь: идиллическая картина! «Достаточно зарыться, защитить себя всего лишь бункером с земляным покрытием толщиной полтора метра». «Чтобы не допустить разрушения гражданских зданий, нужно взрывать нейтронную бомбу выше над землей».

Право же, неловко как-то спорить с физиком о чисто физических явлениях. Поэтому сошлемся на авторитетные суждения ученых, которые полностью разоблачают «искаженные истины» Коэна. О разрушительной силе нейтронной бомбы. Она — огромна. В радиусе 150 метров будет все разрушено дотла. В частности, лишь одна нейтронная боеголовка для ракеты «Лэнс» превосходит по своему разрушительному действию примерно в тысячу раз сухопутную мину времен второй мировой войны.

О «погребках» и «подвалах», где Коэн предлагает европейцам отсидеться. В радиусе 800 метров никакие убежища не могут спасти от нейтронного излучения. На рас-

стоянии до 1600 метров целенаправленный нейтронный поток не уменьшает до безопасного уровня даже двадцатипятисантиметровый слой бетона.

Профессор из Ливермора С. Коэн рекламировал свое чудовищное изобретение по всем законам бизнеса. Рекламиривал, словно новую зубную пасту или мужской шампунь против перхоти,— рьяно, самозабвенно, замалчивая факты, препарируя их до полуправды и до откровенной лжи. Мало кто верил «коробейнику из Ливермора», но он очень старался, делал все, что в его силах, и даже выше его сил.

Он доказывал, бил себя в грудь кулаком, утверждая, что «убить солдат противника, не уничтожая при этом недвижимости,— это то, к чему на протяжении веков стремились цивилизованные страны, но чего ранее они не могли достичь». Хладнокровно пояснял, что «начиная с лука и стрел, тактическое оружие всегда делало упор на действие против живой силы противника». Твердил на каждом углу, что «стремление воевать заложено в самой человеческой природе», что это, мол, «общечеловеческое свойство».

Плохо ли, хорошо ли, но мавр сделал свое дело. Значит ли это, что после поездки в Европу мавр — С. Коэн должен был уйти? Нет, конечно. Военно-промышленный комплекс по-прежнему нуждался в нем. Но со страниц американской печати это имя исчезло. Не найти его и в популярном на Западе ежегодном биографическом справочнике «Who is Who» (Кто есть кто). Может быть, он снова занят сверхсекретными работами, о которых мы узнаем только через десять — двадцать лет?

Из отрывочных сообщений печати удалось установить, что Коэн вернулся в Калифорнию и продолжил консультировать ливерморских опекунов созданной им «Бэ-би». Он восторженно встретил весть о том, что администрация Рейгана благосклонно отнеслась к новой модификации нейтронной боеголовки «W-82» и в период с 1982 по 1992 год решила запастись 23 тысячами этих боеголовок. На радостях он дал большое интервью корреспонденту западногерманской газеты «Вельт» Юргену Лиминскому.

Сэмюел Коэн снова ощутил себя в своей стихии. Он как бы вернулся на круги своя и продолжил живописать «положительные качества» нейтронной бомбы. «Нейтронная бомба,— настаивал он,— означает переход от само-

убийственного сдерживания к необходимой обороне без самоубийства, от слепого наказания агрессора к целенаправленному подавлению его наступательного потенциала».

Пионерами, то есть первыми, называли в Америке тех, кто в середине XIX века осваивал «дикий Запад», в жестких схватках с коренным населением пробивался через прерии и горы к золотоносным землям и обширным пастбищам. Слово прижилось и стало очень популярным. Сэмюел Козн, как мы не раз уже в этом убеждались, также оказался не чужд чувства первого. Только этот «пионер» совершенно иного толка. Неутолимая жажда первенства превратилась в основную — и, увы, разрушающую — черту его характера.

В конце 1982 года Козн заявил еще об одной претензии на первенство. «Что вы скажете, — вопрошал он в одном из интервью, — об оружии, которое может убивать, но лишь после определенного срока воздействия? Оружии, которое убивает лишь тогда, когда агрессор упорствует в своем наступлении?.. Это — революция в истории войн. Впервые противник сам определяет степень вреда для себя. Он сам решает, умереть ему или нет».

Итак, Козн загорелся идеей создания лучевого оружия. Это оружие должно излучать открытые французским физиком Антуаном Анри Беккерелем гамма-лучи. Они влияют на человеческий организм, как и нейтроны, но лишь после длительного облучения. По своим свойствам гамма-лучи сродни рентгеновским. Согласно данным Козна, достаточно примерно 100 килограммов урана-235, чтобы расстелить радиоактивный «ковёр» размером в тысячи квадратных километров.

Это великолепное оружие, без излишней скромности заявил С. Козн. Оно не взрывается и не разрушает. Оно бесшумно, обладает временным действием, его интенсивность нарастает беззвучно, его воздействие исчезает по истечении определенного времени. «До сих пор солдатам приходилось заниматься изучением возможности всеобщей гибели, они оперировали теми или иными иллюзиями, обеспечивали службу тыла и полировали кнопку, на которую в случае войны нажали бы политические деятели. И вот вдруг достаточно всего лишь стены из лучей, чтобы сделать ненужным все, включая войну».

Интересно, что имел в виду мистер Козн, когда го-

ворил о стене из лучей, которая сделает ненужным все? И жизнь тоже? Нет, что ни говорите, удивительный бодрячок этот Сэмюел Коэн. Послушать его, так получается, что все изобретенные им изощренные орудия убийства — «великолепны», «чисты», «гуманны». А кампании протестов, как-то заметил «пионер» из Ливермора, носят сугубо... «эмоциональный характер». Да, ничего не скажешь, действительно С. Коэн — человек без эмоций...

Трагедия сотен тысяч жителей Хиросимы и Нагасаки, испепеленных американскими атомными бомбами, глубокой болью отозвалась в сердце Альберта Эйнштейна. Его участие в создании атомной бомбы выразилось лишь в том, что он, отвечая на просьбу шести известных физиков-атомщиков, написал широко известное теперь письмо на имя президента США Франклина Рузвельта. В письме подчеркивалась необходимость «крупномасштабных экспериментов с целью выяснения возможностей создания атомной бомбы». В последние годы жизни гениальный ученый современности испытывал мучительное разочарование, придя к выводу, что наука, которой он отдал всю силу своего ума, может быть использована против человечества.

Сэмюел Коэн, с таким упоением занимающийся разработкой и совершенствованием смертельного оружия, бесконечно далек от сомнений и от самообвинений, свойственных Эйнштейну. Муки совести не коснулись Коэна. Более того, когда его спросили: «Не приходила ли вам за последние 20 лет в голову хотя бы мысль — о боже, что я изобрел?!», Коэн ответил: «Нет, никогда!»

Ливерморские «супермышеловки»

Когда говорит Ливермор, ему, затаив дыхание, внемлет вся Америка — так или примерно так гласит ядерный фольклор Соединенных Штатов. А говорит он с первых дней основания главным образом делами своими. Это как раз тот самый случай, когда вполне уместно вспомнить одну меткую американскую пословицу: «Дела твои говорят так громко, что я не могу расслышать, говоришь ли ты что-нибудь сам».

Да, ракеты «Минитмен» и «Поларис», водородная и нейтронная бомбы, все эти орудия смерти, созданные в Ливерморе, — убедительное доказательство того, что мистер Теллер, его ученики и последователи ревностно служат военно-промышленному комплексу. Но они отработывают хлеб свой, не только создавая и модернизируя хитроумные орудия убийств. Они публиковали и публикуют всякого рода «исследования», строчат «доклады», дают многочисленные интервью, в которых говорится о «все нарастающей советской угрозе» и о «катастрофическом ядерном отставании Америки», о «коварстве русских».

Как по мановению волшебной палочки, все эти опусы моментально становятся достоянием гласности, кочуют по страницам «большой» американской прессы, передаются в Пентагон и Капитолий, порождая порой бешеную антисоветскую истерию.

После такой пропагандистской «рекогносцировки» обитатели Ливермора предпринимают прямую атаку на конгресс и, как правило, добиваются своего — щедрых ассигнований на создание новых систем вооружений. «А то

как же: ведь тревогу бьют знающие люди!» — всегда найдется законодатель, который поспешит урезонить иных сомневающихся коллег.

Таким рьяным защитником интересов Ливермора долгое время слывет отпетый суперястреб, член палаты представителей Роберт Дорнэн, к которому в последнее время прилипла кличка «Боб В-1» — за его безудержную поддержку программы производства стратегического бомбардировщика. Выходец из небольшого калифорнийского городка Буэна-Парк, республиканец Р. Дорнэн представляет в конгрессе США один из избирательных округов своего родного штата, карта которого буквально испещрена условными обозначениями военных предприятий, баз и лабораторий. Выступая в начале 1980 года на слушаниях в конгрессе, Р. Дорнэн заявил: «Работу в моем очень важном округе я прежде всего рассматриваю как базу для сбора все новых знаний в военной области. Я побывал в ядерных лабораториях, в том числе в Ливерморе, на базе ВВС в Кэртленде (штат Нью-Мексико) и в других военных исследовательских учреждениях... Ученый мир до основ потрясен неспособностью нынешней администрации к военному планированию и особенно в ядерной области. Отставание от русских очевидно...»

Итак, когда молвит Ливермор, его слушает вся Америка. И все уже давно привыкли, что Ливермор глаголет преимущественно устами своего отца-основателя Эдварда Теллера. Причем у мистера Теллера есть железные истины, которые он не устает повторять: «самая надежная страховка на случай войны — достаточное количество современных вооружений», «агрессия Советов в жизненно важные для США районы планеты — вопрос времени»; «коммунисты в России опаснее, коварнее германского фашизма: если до войны наибольшую угрозу «свободе» представлял Гитлер, то сейчас его «заменил Советский Союз».

Всю свою сознательную жизнь Теллер выдает себя за борца и против коммунизма, и против нацизма. На самом же деле он является лишь фанатичным антикоммунистом.

Почти все, кто знаком с доктором Теллером и знает его не понаслышке, утверждают, что он производит неприятное впечатление. Его глубоко впавшие, обрамленные густыми бровями серые глаза, писал на страницах газеты

«Вашингтон пост» американский журналист Майкл Кернан, окидывают собеседника меланхолическим взором; роковым голосом мессии он медленно цедит сквозь зубы отдельные слова, словно кладет друг на друга большие мраморные блоки. Ему не удается — да он и не очень старается — скрыть скуку, которая накатывает на него при разговоре с любым, кого, по его разумению, он не может признавать равным себе. Теллеру доставляет огромное удовольствие подчеркивать свое превосходство, показывать каждому, что его мысли, его дух витают в сферах гораздо более высоких, чем те, которые доступны простым смертным.

Этот хромающий (в 1928 году, когда Теллер учился в Мюнхене, он попал в автомобильную катастрофу и лишился правой ступни. — В. С.), поседевший, плотно сбитый человек заражен страстью, граничащей с маниакальностью, — страстью создавать и бесконечно модернизировать чудовищные средства массового истребления людей.

Еще в начале 50-х годов, получив от Пентагона 11,5 миллиона долларов на создание Ливерморской лаборатории, он обвинял свою научную карьеру с Пентагоном. С тех пор он выступает неутомимым защитником всех начинаний военного ведомства, твердя о необходимости постоянно совершенствовать ядерные вооружения, чтобы не допустить «военного господства Советского Союза на мировой арене».

А в годы вьетнамской авантюры США Теллер выступал с таких экстремистских позиций, обнаруживал такой политический дальтонизм, что участники антивоенных демонстраций очень часто несли плакаты, на которых было начертано «Теллер — военный преступник».

Нобелевский лауреат физик И. Раби заметил как-то, что Теллер «представляет угрозу всему тому, что очень важно на этой планете». А что представляется важным в этом подлунном мире? Небо, солнце, мир, сама жизнь.

«Некоторые склонны прибегать к мифу о том, что мы, уступая Советскому Союзу по количеству ядерных ракет, оставили его далеко позади по качественным показателям. Это не так. Русские, возможно, обогнали нас и по качеству оружия. Совершенно очевидно, что советская угроза нависла над Америкой. Сейчас нас могут спасти лишь технологически новые системы ядерных вооружений...»

Эти слова, произнесенные Э. Теллером в апреле 1980 года на слушаниях в подкомитете по военным научным исследованиям палаты представителей конгресса США, вряд ли кого-нибудь удивили. Скорее, наоборот. Они лишний раз засвидетельствовали то, что все течет и изменяется в этой жизни, но не меняется, остается самим собой Эдвард Теллер.

Таким он был в 1952 году, когда готовился стать «отцом» водородной бомбы: «Нет никакого сомнения в том, что мы должны вести гонку вооружений с Россией... Что же касается утверждений об аморальности работ по созданию водородной бомбы, то здесь, как мне кажется, должно быть четкое различие между научными и техническими вопросами, с одной стороны, и вопросами морали и политики — с другой... Создание бомбы я отношу к вопросам науки и техники, а не морали...»

Таким он был в 1954 году, когда давал показания по «делу» Оппенгеймера в Комитете безопасности атомной комиссии (Комиссии по атомной энергии): «С коммунистами нельзя спорить, как думают некоторые наивные ученые. Коммунизм не может быть побежден ничем иным, кроме силы. То, что я говорю, является политической азбукой, однако многие колеблются, когда нужно сделать из этой азбуки необходимые и само собой разумеющиеся выводы... Мы, посвятившие себя производству первой атомной бомбы, вкусили от древа познания и как ученые должны иметь силу, а быть может, и дерзость поверить в то, что это открытие приведет к победе Добра...»

Ни на йоту не изменял себе Теллер и в 1960 году, когда ратовал в конгрессе за создание военной базы на... Луне. И в 1966 году, когда аплодировал призыву знакомого уже нам генерала К. Лимея «вбомбить всех вьетнамцев и русских в каменный век». И в 1968 году, когда страшал законодателей, которые должны были ратифицировать договор о запрещении ядерных испытаний в трех сферах: «Если вы поддержите этот договор, то у Америки не будет будущего».

С кем протекают борения «неутомимого воителя» Эдварда Теллера? Денно и ночью он борется с «советской угрозой», преднамеренно — исключительно в корыстных целях — пытается сорвать любые договоренности в области ограничения ядерных вооружений, пресечь любые шаги по пути разоружения. Побудительные мотивы понят-

ны. Любая, мало-мальски незначительная уступка в этом «гладиаторском сражении» может лишить ливерморских вундеркиндов «научной базы» исследований и тем самым здорово ударить по их карману. А карман, что ни говорите, вместительный: ежегодно лаборатория получает от военно-промышленного комплекса свыше 400 миллионов долларов. Так что есть «за что бороться, чем дорожить»: всем кое-что перепадает.

Перепадает, кстати, не только Теллеру и ему подобным. Кое-кто был бы не прочь купить на корню все население Ливермора, превратив городок в «зону социального мира», а его жителей — в «молчаливое большинство».

Владельцы продуктовых лавок, водители такси и хозяева закусочных поспешат вас заверить в их «лояльности» по отношению к лаборатории. Еще бы. Служащие «Трех Л», члены их семей составляют костяк клиентуры и предприятий торговли и сферы услуг.

На Холмс-стрит, в помещении торговой палаты Ливермора вам прямо с порога начнут на все лады расписывать достоинства тамошних виноделен, не преминут рассказать о богатейшем ассортименте винного чудо-магазинчика, расположенного в соседнем городке Дублин, поделятся перипетиями последних родео, а на вопрос, к примеру, о нейтронной бомбе бесхитростно молвят: «Давайте поговорим о чем-нибудь другом. Не хотелось бы терять работу, бизнес».

Полистав подшивки городских газет «Геральд» и «Ньюс», ничего интересного там не обнаружишь — ни слова о «заповедном прямоугольнике». Привлечь внимание могут только несколько рекламных объявлений, суть которых сводится к тому, что некое анонимное предприятие предлагает желающим на очень выгодных условиях заполнить имеющиеся вакансии в службе охраны, бюро пропусков, в пожарной команде.

— Нет,— отвечают интересующимся в объединенной редакции ливерморских газет.— О лаборатории мы ничего не пишем. У нас на эту тему как бы наложено табу. От добра добра не ищут. Джентльмены из лаборатории обеспечивают нас рекламой, они же раскупают львиную долю нашего тиража. Если мы начнем с ними ссориться, мы потеряем и то и другое. Нет, нас не интересует, что они там делают за своим забором с чувствительной сигнализацией. Главное, чтобы у нас была работа и деньги.

Да, жаль, что заботу о душевном спокойствии и материальном благополучии ливерморские журналисты поставили выше естественной, казалось бы, для их профессии тяги к познанию и постижению всего того, что происходит вокруг. Прояви они хоть немного элементарной журналистской любознательности, загляни для начала хотя бы в неказистый домик с надписью «Для посетителей», что у ограды Ливерморской лаборатории, и то многое бы для них стало ясно. А может быть, и заглядывали, и смотрели многочисленные модели бомб, боеголовок, ракет, торпед и мин? Более того, может быть, даже были допущены в «святая святых» — в сами блоки, на испытательные полигоны? И все равно молчат, не бьют тревогу? Не хотят «ссориться»? Вопросов много. Ответов нет.

Во всяком случае то, что довелось читать о Ливерморской лаборатории на страницах американской печати, написано с бесстрастностью статиста. Словно речь идет о путешествии в какой-то кемпинг с ровными рядами коттеджей и ухоженными лужайками или же в образцовый жилой микрорайон с домами вычурной архитектуры. В репортажах из Ливермора зачастую можно встретить безмятежное описание элементов архитектуры, скрупулезный перечень редких видов растений, образующих неповторимую гамму каждого отдельно взятого газона, преysкурant наиболее популярных внутри «прямоугольника» вин, коктейлей и прохладительных напитков. Продираясь сквозь всю эту словесную мишуру, ищешь и очень часто не находишь главного: какие новые «супермышеловки» готовят для человечества обитатели «темного царства боеголовок и лазера»?..

А «конвейер» в Ливерморе движется без остановки. Еще только завершаются испытания предыдущей смертельной «штуковины», а ученые уже изобретают новую. Здесь «правит бал» очень простой принцип: нам платят, мы делаем.

После нейтронной бомбы вундеркинды из Ливермора вплотную занялись изобретением ее «сестры» — «бомбы ударного действия» (сокращенно РРР). «Нейтронная бомба, — поясняла журналисту американского журнала «Севен дейз» сотрудница лаборатории Линда Карри, — взрывается над поверхностью земли, создавая волну так называемой «быстрой» радиации. Эта радиация убивает все живое, но не причиняет ущерба имуществу. А бомба

ударного действия не вызывает почти никакой быстрой радиации. Вместо этого она создает интенсивную взрывную волну, фокусируемую на небольшую площадь».

Таким образом, РРР — это тактическое оружие, которое взрывается на земле или у самой поверхности и уничтожает все — и людей, и материальные ценности, но в сравнительно небольшом радиусе. Позже боеголовку ударного действия начали устанавливать на крылатые ракеты наземного базирования, предназначенные для нанесения «хирургически точных» ударов по пусковым шахтам и взлетным полосам военных аэродромов противника.

Около 50 ученых работали в Ливерморе над созданием «бомбы ударного действия». После окончания работ был выпущен целый трактат, в котором превозносились достоинства этой «умной бомбы», которая якобы сделает ненужными массированные бомбовые удары со сплошным поражением территории противника и, таким образом, уменьшит разрушительные последствия ядерной войны.

Изобретение новой разновидности «чистого» ядерного оружия бурно приветствовал С. Козн. «С военной точки зрения, — заявил он, — общий вред, наносимый ядерным и водородным оружием, не имеет смысла. Это оружие безо всякого исключения убивает гражданских лиц, разрушает природу, отравляет на долгое время окружающую среду. Ни один победитель не заинтересован в получении беспросветной пустыни. Тем не менее многие твердолобые держатся за миф большого взрыва, в то время как специфика воздействия атома состоит совсем не во взрыве...» Одновременно с изобретением водородной бомбы Ливерморская лаборатория вступила в эру межконтинентальных баллистических ракет. И над чем бы ни работали ливерморские вундеркинды, какую бы «продукцию» они ни выпускали — будь то нейтронная бомба, бомба РРР, ракета «Стандард» для палубной системы «Иджис», которая устанавливается на кораблях ВМС США («Иджис» — эгида, в древнегреческой мифологии название щита Зевса, владыки богов и людей), или «новая стратегическая бомба W-77» — боеголовки для баллистических и крылатых ракет, ракет средней дальности всегда пользовались «режимом наибольшего благоприятствования».

А чтобы из стен Ливермора выходили все новые и новые виды оружия, отвечающие «последнему крику ядерной моды», лаборатория зарезервировала за собой право

производить на полигоне в пустыне Невада семь — девять подземных ядерных испытаний. Это свое «право» ливерморские поборники гонки ядерных вооружений считают священным. Какие только аргументы не пускаются ими в ход, когда появляются хоть какие-то перспективы ограничения или запрещения ядерных испытаний.

В конце 50-х годов, когда президент США Д. Эйзенхауэр склонялся было к идее об объявлении моратория на ядерные испытания, Эдвард Теллер и тогдашний глава Комиссии по атомной энергии Джон Маккоун были в первых рядах тех, кто вовсю старался переубедить главу Белого дома не делать этого. Как писал в своих дневниках Дж. Маккоун, они «манипулировали общественным мнением, обрабатывали законодателей, с тем чтобы любой шаг президента в этом направлении (к достижению договоренности с Советским Союзом о моратории или выработке договоренности о запрещении ядерных испытаний.— В. С.) доставил ему массу хлопот».

«Ядерное оружие подобно автомобилям. «Форд» не выпускает на дорогу свои машины до тех пор, пока они не пройдут длительную экспериментальную обкатку», — цинично разглагольствовал на страницах печати научный сотрудник Ливерморской лаборатории Т. Уэйд. «Ядерные взрывы необходимы нам для того, чтобы хотя бы сохранить опытный персонал», — убеждал законодателей уже в конце 70-х годов помощник министра энергетики Р. Керр. Ему вторил и М. Мэй, который в конце 70 — начале 80-х годов был директором Ливерморской лаборатории. Правда, в выводах Мэй шел гораздо дальше Керра. Вот, к примеру, один из них: «Запрещение ядерных испытаний нанесет непоправимый ущерб национальной безопасности Соединенных Штатов». Так «знающие люди» наводили и, надо сказать, до сих пор наводят тень на плетень. Помните? «Нам платят, мы — делаем». Здесь точнее будет: «Нам платят, мы — говорим».

Честь ливерморского мундира «запятнал» лишь Гарольд Браун, за что и получил взбучку от Э. Теллера. Г. Браун, воспитанник Ливермора, бывший директор лаборатории и будущий министр обороны США, на слушаниях в конгрессе в августе 1963 года высказался в поддержку Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Он, в частности, заявил: «Если сейчас не время

для оправдания надежд, то тогда каких же обстоятельств нужно ждать, чтобы они вызвали к жизни лучшие времена? Имея некоторые познания в ядерных делах, представляя последствия применения ядерного оружия, я думаю сейчас о государствах и народах, их чаяниях и тревогах как простой человек и поэтому я предпочитаю уже сегодня сделать первые шаги по дороге надежды...»

Не будем ни переоценивать это заявление, ни тем более принимать его за чистую монету. Реалии американской действительности таковы, что в политическом деятеле могут порой преспокойно уживаться, как в русской матрешке, несколько совершенно разных человечков. И пока один из них выступает с реалистических позиций по проблеме прекращения ядерных испытаний, другой, носящий то же имя, не на жизнь, а на смерть сражается за выделение средств для производства дорогостоящего истребителя-бомбардировщика F-111, с позиций отъявленного «ястреба» выступает в разгар вьетнамской войны за «усиление бомбовых ударов по Вьетнаму», ратует за незамедлительное «тиражирование» нейтронной бомбы. Третий близнец по имени Гарольд Браун во всеуслышание порицает К. Лимея, шумно требующего производства 100-мегатонных ядерных боеголовок, но в личном письме разбушевавшемуся генералу пытается урезонить последнего, доказывая, что «в данный момент лучше истратить эти же деньги на производство большого количества менее мощных, но более эффективных боеголовок». Так что здесь мы имеем дело даже не с двуличием. Скорее всего это феномен многоликости, который возникает как реакция на исчезновение с общественной арены идеалов и воцарение на ней идолов, быть которым — значит постоянно менять свой лик.

Совершив небольшой экскурс в биографию Гарольда Брауна, вернемся к ливерморским боеголовкам. С каждым годом они становились все хитроумнее, неустанно рос коэффициент их наспигованности смертью. Первые боеголовки к ракетам «Минитмен» и «Поларис» воспринимались теперь как неуклюжие экзерсисы «приготовишек». Прошло время «высшего пилотажа» — разработки сложнейших боеголовок для ракет наземного и морского базирования. Боеголовка «Марк-12» для межконтинентальной ракеты наземного базирования «Минитмен-111» состоит из трех разделяющихся головных частей индиви-

дуального наведения. А для ракеты МХ (издевательски названной Пентагоном «Пискипер» — «хранитель мира») вундеркинды из Ливермора изобрели несколько вариантов боеголовок — с двумя, тремя, восемью, десятью и даже четырнадцатью разделяющимися частями индивидуального наведения. Работы над усовершенствованием боеголовок не прекращаются и сейчас.

Когда же у веселых вундеркиндов из Ливермора выходит заминка с каким-то изобретением (как было с «чистой и самой гуманной» нейтронной бомбой), выдается какая-нибудь свободная неделька, они конечно же сложа руки не сидят. Они просто не могут ничего не изобретать.

Сразу же после того, как косные и совершенно неблагодарные западноевропейцы не вняли многочисленным советам американских и собственных генералов и не поспешили превращать матушку Европу в хранилище для нейтронных бомб, сулящих столько замечательных благ ядерным мародерам, ливерморцы изумили Америку еще одним блистательным проектом. На этот раз — проектом идеальной мышеловки. Дело в том, что все известные доселе мышеловки не устраивали пытливых ливерморцев прежде всего их ограниченной эффективностью. Ливерморских «яйцеголовых» (ироническое прозвище ученых в США), привыкших считать потенциальные жертвы своих изобретений десятками, сотнями тысяч, шокировал явно «допотопный» кпд традиционных конструкций — одна мышеловка всего лишь на одну мышь.

И вот группе эрудитов во главе с Джимом Марчи удалось найти принципиально новое, очень оригинальное решение. Изобретение поразило всех своей гениальной простотой: контейнер с водой, над которым в виде навесной эстакады укреплена плоская вращающаяся дощечка с приманкой на самом конце. Ничего не подозревающая мышь устремляется к приманке. Дощечка переворачивается. Всплеск. Обреченный писк. Все. Вернувшаяся в первоначальное положение дощечка готова принять новую жертву.

Сообщение о необычном изобретении Дж. Марчи долго кочевало по страницам американской печати и числилось по разряду занимательных. Вот, мол, какие веселые люди работают в Ливерморе. Чудаки да и только. То явят миру водородную бомбу. То «стерильно чистую» нейтронную боеголовку изобретут. А то возьмут и изобре-

тут «новаторскую» мышеловку. Но все это было бы смешно, когда бы не было так неизменно грустно. Уж больно зловещие ассоциации рождаются...

Словно бы неунывающие бодрячки из Ливермора пытаются заманить на зыбкие дощечки своих супермышеловок все человечество. Или, по меньшей мере, жителей Западной Европы. Ведь для них Старый Свет — это не Кельнский и Реймский соборы, не Эйфелева башня, не Колизей, а всего-навсего театр военных действий. Поэтому и изобретают они все новые и новые «супермышеловки». Поэтому и чудится им, что западноевропейцы — это такие доверчивые существа, которые толпами побегут к роковому краю предательской дощечки с надписями-приманками: «оборона Европы», «натовская солидарность», «угроза с Востока». А дальше все нам известно: всплеск, отчаянный крик и... качающаяся дощечка ждет новую жертву. Как в мрачном предсказании известного английского поэта Т. С. Элиота:

Так и кончается мир,
Так и кончается мир,
Так и кончается мир —
только не взрывом, а взвизгом.

Как видим, создание в «ливерморских ядерных кушах» супермышеловок — событие не такое уж забавное, как может показаться с первого взгляда. И уж совсем оно выглядит далеким от всяческих забав, если посмотреть на него с определенной точки зрения. И пусть, скажем, эта точка будет находиться на стартовой площадке одного из любимых детищ Ливермора — ракеты МХ. Каково, а?

...И концы в воду

В 25 километрах севернее Вашингтона в городке Джерментаун (штат Мэриленд) расположено министерство энергетики Соединенных Штатов Америки. Оно было создано указом президента Дж. Картера 4 августа 1977 года и унаследовало функции Администрации по энергетическим исследованиям и разработкам. Первым министром энергетики был сторонник «ограниченной ядерной войны» экс-министр обороны Джеймс Шлесинджер. Именно он-то и настоял на том, чтобы все расходы, выделяемые на производство ядерных боезарядов, находились в ведении министерства энергетики. С тех пор все так и повелось: системы для запуска ядерного оружия входят в компетенцию министерства обороны, а изготовление боеголовок для этого оружия отнесено к прерогативам министерства энергетики.

А коль так, то и все крупнейшие ядерные лаборатории Соединенных Штатов, включая, естественно, Ливерморскую, оказались под крылом министерства энергетики. Причем лаборатории в Ливерморе и Лос-Аламосе, которые формально числятся филиалами Калифорнийского университета, сразу же стали «любимчиками» нового министерства. Хотя и говорят, что из расположения кафтана не сошьешь, благосклонность патрона вскоре материализовалась в новые заказы и новые ассигнования для лабораторий. Ежегодные поступления из бюджета министерства энергетики для Ливермора и Лос-Аламоса составляют порядка 800 миллионов долларов — примерно такие же субсидии правительство выделяет всему Калифорнийскому университету с его 130 тысячами студентов, 8 тысячами преподавателей, более 200 из которых — члены Национальной академии, а 18 — лауреаты Нобелевской премии.

Неудивительно поэтому, что руководство университета так дорожит своими «родственными связями» с военно-промышленным комплексом в целом и с министерством энергетики в частности. В начале 1986 года попечительский совет Калифорнийского университета большинством голосов (19 — «за», 7 — «против») перезаключил «соглашение о сотрудничестве» с Пентагоном и министерством энергетики. В ходе этого заседания совет снова обсудил и отклонил настоятельное требование вдовы Эрнеста Лоуренса убрать имя ее мужа из названия Ливерморской лаборатории, в горниле которой передовая научно-техническая мысль незамедлительно переплавляется в оружие массового уничтожения. Вдова в очередной раз получила отказ, но она заявила, что и в дальнейшем приложит все усилия к тому, чтобы имя нобелевского лауреата не фигурировало в названии научного центра, давно уже не имеющего ничего общего с мирными научными исследованиями.

Принадлежащий министерству энергетики комплекс военно-научных центров и предприятий, где разрабатываются и производятся ядерные боеголовки, представляет собой своего рода «архипелаг», простирающийся на площади, равной площади штата Делавэр или в полтора с лишним раза превышающей площадь штата Род-Айленд. Его персонал насчитывает свыше 52 тысяч человек, его активы оцениваются в 25,4 миллиарда долларов. Из общей суммы в 11,6 миллиарда долларов, составлявшей в 1984 финансовом году бюджет этого министерства, 6,7 миллиарда были ассигнованы на военные ядерные программы.

В 1987 финансовом году из бюджета 15,5 миллиарда долларов расходы на опытно-конструкторские ядерные разработки должны составить 8,2 миллиарда долларов, или 53 процента. А ведь в 1980 году доля военных ассигнований была не столь уж высока — 2,6 миллиарда долларов, то есть 24 процента бюджета.

Помощник заместителя министра энергетики по военным вопросам генерал У. Гувер, выступая в конце 1984 года в одной из подкомиссий конгресса, показал график, изображающий кривую роста ассигнований на ядерные программы министерства. Все это похоже на карту высокогорной местности, самодовольно заметил генерал.

Да, оружие, составляющее целый Эверест мегатонн, — боеголовки МХ, нейтронные снаряды калибра 203 милли-

метра, авиационные бомбы — нечто совершенно обычное для данного министерства. Как свидетельствует американский журнал «Прогрессив», на 110 заводах министерства энергетики ежедневно производятся 5—8 ядерных боеголовок, бомб или артиллерийских снарядов. «Передышки» случаются только в дни рождественских и пасхальных праздников. И то не всегда. Уж слишком высок темп: до 1995 года планируется выпустить из ядерного ящика Пандоры около 18 тысяч «человеческих несчастий». Как писала газета «Нью-Йорк таймс», в Америке «по-прежнему действует старый рефлекс, который всегда приводил к тому, что ядерное оружие размножалось, подобно кроликам».

В 1979 году, когда реально существовала возможность полного запрещения ядерных испытаний, президента Соединенных Штатов Дж. Картера посетили директора двух крупнейших лабораторий, разрабатывающих ядерное оружие, — Ливерморской и Лос-Аламосской. Они убеждали главу Белого дома в том, что ему необходимо воздержаться от ратификации любых договоров о запрещении ядерных испытаний.

Каковы же были доводы ученых мужей? По некоторым данным, их аргументация сводилась к тому, что прекращение ядерных испытаний явилось бы «технологической вивисекцией», поскольку эта мера создала бы серьезные препятствия для продолжения исследовательских работ по созданию ядерного оружия третьего поколения.

Действие первого поколения ядерного оружия основывалось на использовании буйной энергии расщепленного атома — такова была бомба, испепелившая Хиросиму.

Вторым поколением было термоядерное оружие, то есть водородные бомбы, составляющие сейчас основную часть американских ядерных арсеналов. Оружие же третьего поколения, как заметил помощник министра обороны США Ричард Вагнер, «будет отличаться от ядерного оружия прошлого прежде всего нетипичностью форм преобразования той энергии, которая возникает при взрыве».

Предтечей оружия третьего поколения была нейтронная бомба. Среди других видов оружия этого поколения — бомбы с усиленным электромагнитным импульсом, способные выводить из строя средства связи и электронное оборудование противника; рентгеновские лазеры,

использующие энергию водородной бомбы; оружие, основанное на энергии направленного пучка плазмы и способное очень точно концентрировать эффект ядерного взрыва.

Из всех этих «экзотических» видов оружия наибольшую трудность, как признают фантасты из Ливермора и Лос-Аламоса, представляет «плазменный гиперболоид» — слишком, дескать, сложны проблемы, связанные с укрощением взрывчатой силы ядерного оружия, даже «маломощного».

Совсем другое дело, бодро утверждают «ученые в мундирах», — электромагнитная пушка. Тут все более ясно. Ведь электромагнитный импульс, возникающий при ядерном взрыве, был открыт еще во время экспериментального взрыва водородной боеголовки над атоллom Джонсон в Тихом океане. В результате этого взрыва были выведены из строя несколько американских спутников, а в 1300 километрах от места испытания — на Гавайских островах — возникли сильные электромагнитные помехи.

Вскоре было установлено, что гамма-лучи, выделяемые при ядерных взрывах на большой высоте, взаимодействуют с магнитным полем Земли и формируют своего рода залп электромагнитных импульсов. Дальность «стрельбы» электромагнитной пушки — несколько тысяч километров. Импульс не представляет собой никакой опасности для человека, но разрушительно действует на электронное оборудование и средства связи.

«Взрыв электромагнитной бомбы над территорией Советского Союза, — цинично писал в газете «Вашингтон пост» уже цитировавшийся нами научный обозреватель У. Пинкус, — позволил бы, не убивая людей, полностью разрушить системы связи».

Приходится лишь удивляться, что, создавая все более разрушительные системы новейших вооружений, цивилизованные люди могут при этом настойчиво и невозмутимо бубнить об их «безвредности», «безопасности», расточать словесный елей о существовании «сверхнадежных» способов защиты человека от того или иного вида смертоносного оружия.

Алогично. Страшно. Чудовищно. Но этот приторно-сладкий сироп лжи, это преступно-предательское медоречие потоками извергаются из уст воинствующих политиков, генералов, ученых каждый раз, когда необходимо

возвысить Ее Величество Бомбу, восславить Боеголовку, возвеличить Снаряд.

Вот и сейчас, когда в Ливерморе и других военных лабораториях США разрабатывается идея термоядерного взрыва в ограниченном инерциальном режиме — идея «бомбы в бутылке», повсюду слышен мощный хор добровольных адвокатов военно-промышленного комплекса, в один голос воспевающих «достоинства» очередной опасной затее Пентагона. А ведь речь идет не о чем ином, как о создании термоядерного зажигания, способного сфокусировать направленный пучок плазмы или «накачать» рентгеновский лазер. Теллер использовал атомную бомбу как детонатор термоядерного взрыва, теперь в роли «спички» должна выступать сама водородная бомба.

...Причудливая цепь песчаных дюн, подернутых горячим ветром пустыни. Между дюн — площадка. На ней — крохотные человечки, столпившиеся вокруг подземного устройства. Над черной бездной уходящей куда-то глубоко в землю вертикальной шахты — бомба, свисающая на натянутом, словно струна, тросе. Нажатие кнопки — и бомба начинает стремительно спускаться в шахту. Нажатие второй кнопки — и ни одного человечка вокруг, их словно ветром сдуло за ближайшие дюны. Третья кнопка — взрыв, ослепительный огонь. И — тишина. Затем из какого-то небытия доносится тревожная и печальная мелодия. Звучит органная музыка. Человечки начинают высовывать свои головки из-за дюн, бурно радуясь, что они живы и невредимы.

Такой действующий макет ракетно-ядерного полигона можно увидеть в деревянном домике, расположенном возле ограды Ливерморской лаборатории и предназначенном для приема посетителей. Панорамный макет — своего рода «ядерный Диснейлэнд» — призван переубеждать: взрыв ядерной, водородной, нейтронной бомбы не так уж и опасен. Ну, конечно, могут погибнуть «несколько десятков тысяч человек». Ну, конечно, будут значительные разрушения. А в целом-то все «обойдется». Особенно для американцев, которые как «божьи избранники», естественно, останутся, переживут любые катаклизмы. Нет, не по ним будет звонить колокол.

Неписанные уставы Ливермора обязывают всех, кто однажды вошел и остался в этом ядерном храме, не только создавать новые виды ядерного оружия, но и всячески

оправдывать наращивание вооружений, делать все, чтобы мысль о возможности ядерного конфликта стала приемлемой, обыденной и привычной. А перекошенный «кодекс чести» гласит о том, что нельзя заниматься военными исследованиями без «благожелательного к ним отношения». Поэтому многие из тех, кто создал добрую половину современного ядерного арсенала Америки, по-прежнему верят в острую необходимость «устрашения противника». И самая одиозная среди ливерморцев фигура, последовательно и совершенно искренне выступающая против угрозы... мира,— Эдвард Теллер. У него много всяких теорий. Но все они служат одной иезуитской цели: преуменьшить угрозу ядерной катастрофы, замолчать поистине ужасающие последствия современной войны, приукрасить картину, которая может возникнуть на нашей планете после того, как будут пущены в ход межконтинентальные ракеты, гигантские бомбардировщики и китоподобные подводные лодки, несущие ядерную смерть.

Теллер любит ставить на одну доску последнюю мировую войну и ядерную. Людям, мол, свойственно преувеличивать грядущие опасности. И перед второй мировой войной не было недостатка в разговорах о неминуемой гибели человечества, а на самом деле жизнь оказалась сильнее и чудовищных бомбардировок, и многого другого.

Да, жизнь действительно оказалась сильнее. Но не по тем причинам, которые имеет в виду Теллер. Человек явил невиданные образцы мужества и жизнестойкости не потому, как пытается утверждать Теллер, что «оружие, которое применялось противоборствующими сторонами, было отнюдь не страшным». Тому, что люди выстояли в этой смертоубийственной схватке, есть совсем другие объяснения, которые вряд ли способен понять Э. Теллер. Но оружие, которым велась самая страшная в истории человечества война, превратилось в условиях нашего громокипящего ядерного века в археологические экспонаты. Три-четыре современных боеголовки, накрытые тщательно отполированным титановым кожухом, способны поместиться в багажнике обыкновенной легковой автомашины. Ракета MX может нести их десять. И в каждой — 23 Хиросимы.

Теллер потчует своих соотечественников псевдофилософскими идеями типа «ядерный конфликт будет ката-

строфой, которую трудно вообразить. Но это не будет концом цивилизации». Панацея от ядерной войны, которую предлагает Теллер,— «добротню построенные убежища, в которых можно преспокойно переждать худшие времена». Он преспокойно констатирует, что нет ничего сверхопасного и в радиоактивном заражении: нужно лишь, менторски поучает ядерный алхимик, научиться умело обращаться с радиоактивными осадками, и «при некоторых предосторожностях люди спасутся». Он с порога отмечает и тяжелые моральные, генетические последствия, которым подвергнутся оставшиеся в живых после ядерного апокалипсиса.

Не правда ли, знакомые мотивы? Помните, как группа сотрудников Ливермора, руководствуясь «высшими мотивами», утверждала, что взрывы бомб над атолом Бикини и возникновение лучевой болезни у местных жителей — две совершенно не связанные между собой вещи?

Можно вспомнить и об «укрытиях подвального типа», в которых «легко и дешево» предлагает отсидеться западноевропейцам С. Коэн. О многочисленных панегириках, посвященных «совершенно безвредным», «чистым», «умным», «приемлемым» бомбам.

Недавно, когда в печать просочились сведения об официально зарегистрированных в Ливерморе жертвах радиоактивного облучения и участвовавших случаях раковых заболеваний, администрация лаборатории без тени смущения возложила ответственность на... сами жертвы. Виноваты во всем пострадавшие — они, мол, слишком много курили и нежились на солнышке. Оттого и все их беды. Некоторые «заработали» рак легких (злополучный никотин!), а некоторые — рак кожи (ох уж эти солнечные ожоги!). В это трудно поверить, но это факты, взятые из официальных докладов Ливермора.

Однако «коронный номер» Ливермора был еще впереди. Его черед настал в середине 1985 года, когда ливерморские ученые откликнулись на заказ правительства и опубликовали доклад-исследование о том, как уберечься от ядерного нападения. Правительство знало, кому заказать исследование, а Ливермор знал, что хочет от него правительство.

И вот Ливермор заговорил, но Америка вместо того, чтобы внимать, затаив дыхание, ядерному храму, взорвалась гомерическим хохотом, фейерверком фельетонов,

комиксов, карикатур. А все потому, что Ливермор на полном серьезе написал следующее: обезопасить себя от ядерного взрыва проще пареной репы — достаточно не мешкая прыгнуть в какой-нибудь находящийся поблизости водоем. Глубина и размеры водоема не имеют значения — это может быть речка, озеро, море и даже плавательный бассейн. «Это исследование не ставит целью решение всех проблем обмена ядерными ударами,— весьма скромно заметили его отнюдь не скромные авторы,— однако оно дает людям шанс на спасение».

Итак, шанс на спасение? Как бы не так! В лучшем случае это шанс на самообман. Причем отнюдь не спасительный. Американцам предложено стать рабами идолов обмана. Вознамерившись убедить обывателя в том, что все о'кей, что даже в случае ядерного нападения всегда можно успеть нырнуть в воду, авторы доклада на самом деле бросили «спасательный круг» Пентагону. Так вода Ливермора полилась на мельницу военного ведомства. Случилось это к большой радости обитателей «пятигранника на Потомаке», поскольку там уже в течение продолжительного времени испытывали недостаток в «успокоительных пилюлях», способных сбить распространившуюся среди американцев эпидемию «ядерной аллергии».

Доморощенные усилия пентагоновцев на этой ниве не приводили к желанным результатам. Самую, пожалуй, удивительную «рекомендацию», несомненно достойную «Книги рекордов» Гиннеса, изрек один из помощников министра обороны Соединенных Штатов К. Уайнбергера Т. К. Джонс. Он не стал усложнять и без того довольно-таки сложную жизнь и низвел свою теорию защиты от ядерного оружия до сермяжной «истины»: главное в этом деле — лопата и грязь. Лопата должна быть конечно же побольше, а грязь — как можно более вязкая и липкая. Трудно было Джонсу в пылу полемического угара удержаться и не ударить лицом в полюбившуюся ему грязь. Когда же такое случилось, все увидели, что эта самая пресловутая грязь не обеспечила Джонсу никакой «адекватной защиты» даже от всепроникающего оружия смеха. А уж о ядерной бомбе и говорить не приходится...

Пропагандистская бомба, изобретенная в тиши Ливерморской лаборатории, взорвалась без желанного эффекта,

на который рассчитывали ее создатели. Она взорвалась, вызвав лавину вполне справедливых издевок, язвительных колкостей, поистине мефистофельских насмешек, злого сарказма.

Пентагон дал еще одно задание Ливермору: он поручил лаборатории опровергнуть теорию «ядерной зимы». Дело в том, что в декабрьском номере американского журнала «Сайенс» за 1983 год пять авторитетных в научном мире США ученых — К. Саган, Р. Тарко, Б. Тун, Т. Акерман и Дж. Поллак — опубликовали статью об эффекте «ядерной зимы». Данные и оценки, которыми оперировали ученые, были поистине убийственными. Поделовому, обстоятельно и лаконично авторы рассказали о том, что «будет тогда, когда ничего не будет». В случае если будет развязана ракетно-ядерная война, писали они, дым, гарь и пепел от возникших повсюду пожаров поднимутся высоко в атмосферу, приведут к затмению солнца и повергнут нашу планету в безжизненно холодную темень.

На этот раз обитатели Ливермора воздержались от столь скоропалительных выводов, к которым они пришли в злополучном исследовании о «чудодейственной силе воды». И вообще постарались поставить все на солидную основу. Привлекли к сотрудничеству коллег из Атомной лаборатории в Лос-Аламосе и Национального центра атмосферных исследований. Свыше двух лет корпели над расчетами и компьютерными тестами. Наконец все свершилось: в июне 1986 года ученые завершили свой труд, а газета «Нью-Йорк таймс» тут же поспешила его опубликовать.

Новая теория гласит: «ядерной зимы» не должно быть, поскольку-де температура опустится не на 45 градусов ниже обычной нормы, как было сказано в публикации «Сайенс», а всего лишь на 25 градусов. А вообще, говорится в исследовании, лучше начинать войну летом — тогда понижение температуры будет, мол, еще менее заметным. «Температура не будет до такой степени низкой, чтобы люди, укрывшиеся в убежищах, чувствовали себя незащищенными,— замечает один из руководителей проведенных работ (здравый смысл не позволяет назвать их научными.— В. С.) М. Маккрекен из Ливермора.— Холод окажет вредное воздействие на урожай, но он отнюдь не разрушит природную экосистему Земли. Будет

просто прохладно — примерно, как в Соединенных Штатах бывает осенью».

И все? А как же насчет непоправимых изменений в климате и окружающей среде, нарушения водоснабжения, снижения уровня озона и повышения уровня ультрафиолетовой радиации? Обо всем этом подробно говорилось в публикации пяти ученых. В «новой теории» об этом — ни слова. Упор сделан на температуру.

«Неужели мир должен превратиться в холодный кубик льда, прежде чем люди начнут бить тревогу о том, что происходит вокруг? — задается вопросом один из авторов статьи в «Сайенс» Р. Тарко.— Для меня все это кажется сумасшествием. Ядерный удар самоубийствен — такова его изначальная сущность».

Ни грязь Пентагона, ни «вода и прохлада» Ливермора не смогли погасить вполне обоснованную тревогу американцев, которые не желают спокойно созерцать, как на их глазах растут горы ядерного оружия. Они не хотят думать о «вероятных способах» спасения от ядерного нападения, они хотят сделать войну невероятной.

Теллер — апологет «звездных войн»

В Вестминстерском аббатстве в Лондоне в раке св. Эдуарда можно еще разобрать оттиск печати красным воском: «PATRICIUS ARTHURUS BRITANNIE GAL-LIE GERMANIE DACIE IMPERATOR» («Патриций Артур, император Британии, Галлии, Германии и Дакии» — лат.), а в Гластонберийском монастыре можно даже увидеть усыпальницу легендарного короля бриттов Артура, боровшегося в V—VI веках против англо-саксонских завоевателей. О короле Артуре и его 150 славных рыцарях сложено множество кельтских народных сказаний, они оказались в центре большого цикла рыцарских романов, преданий и легенд.

Одна из легенд гласит, что Артур был обладателем двух чудодейственных мечей. Один он высек из камня, доказав тем самым свое право на престол, другой был подарен ему возлюбленной Мерлина Вивианой, которая владела замком на дне озера и звалась поэтом Дамой с Озера. И тот и другой меч обладали чудесной, сверхъестественной силой, неизменно помогавшей Артуру одерживать победы в труднейших битвах.

Правда, последнее свое сражение Артур проиграл. Проиграл, потому что не смог предотвратить распад содружества рыцарей Круглого стола. Здесь не могли помочь и чудодейственные мечи. Рыцари погубили друг друга в междоусобном бою, нарушив основы благородного кодекса чести, который существовал в царстве Артура. Но сам Артур не умер, как все смертные, — он отбыл на чудесный остров бессмертия Авалон, чтобы когда-то вернуться и вновь занять королевский престол Британии.

Легендарный король Артур и храбрые рыцари Круглого стола воплощают нравственные идеалы доблести и благородства. Современные «рыцари круглых, квадратных и прочих столов» из Ливерморской лаборатории выше-названными достоинствами обладают едва ли. Но поскольку, как мы уже не раз убедились, особой скромностью обитатели Ливермора не страдают, свою программу создания рентгеновского лазера они нарекли именно «Экскалибур».

Программа «Экскалибур» — один из самых противоречивых компонентов выдвинутой президентом США идеи создания противоракетной обороны с элементами космического базирования. В пресловутой речи о «звездных войнах», произнесенной 23 марта 1983 года, глава Белого дома призвал ученых, создавших в свое время ядерное оружие, «обратить свой большой талант на благо человечества и международного мира и дать нам средства сделать это ядерное оружие беспомощным и устаревшим».

Ливерморская лаборатория, естественно, оказалась на переднем крае исследований в области космических стратегических вооружений. Фактически ученые этой лаборатории вплотную занимались «звездными войнами» по меньшей мере с рубежа 60-х годов: они проводили в жизнь многолетнюю программу лазерных исследований («самая передовая в мире программа», с гордостью говорят о ней в Ливерморе), постигали тайны термоядерного синтеза, изучали законы ускорения частиц высоких энергий.

Нет ничего удивительного и в том, что именно Эдвард Теллер надоумил своего старого друга Рональда Рейгана приступить к программе космических вооружений. «Отец водородной бомбы» дал — и «продал» — американскому президенту идею антиракетного щита.

Р. Рейган, будучи губернатором Калифорнии, нанес в 1967 году официальный визит в резиденцию Э. Теллера — Ливерморскую лабораторию. В начале 1982 года Э. Теллер нанес ответный визит в Белый дом. В течение четырнадцати месяцев, предшествовавших «звездной» речи Рейгана, «ходатай от «Трех Л» еще четырежды посетил Овальный кабинет и, горячо поддерживаемый своим учеником, бывшим советником президента по науке Джорджем Киуртом, сумел-таки убедить хозяина Белого

дома в необходимости развертывания в космосе «анти-ядерного зонтика».

А чтобы уж совсем покончить с сомнениями президента, Э. Теллер написал ему пространное письмо. «Стратегическая оборонная инициатива», — говорилось в письме, — покончит с эрой «взаимного гарантированного уничтожения» и положит начало периоду «взаимного гарантированного выживания» на условиях, благоприятных для Запада. «Я всегда говорил, что Соединенные Штаты должны как можно скорее захватить космос. Кто господствует в космосе в военном отношении, тот владеет землей» — так можно суммировать содержание этой эпистолы профессора Э. Теллера.

Что произошло потом, теперь хорошо известно: сначала последовала программная речь, отличавшаяся, как и положено, налетом фантастичности и расплывчатости, затем, год спустя, в распоряжение военного супер-агентства — Организации по осуществлению стратегической оборонной инициативы (ООСОИ) — начали поступать колоссальные средства: к началу 1990 года ООСОИ должно быть передано свыше 26 миллиардов долларов.

Речь президента, в которой он поспешил познакомить изумленную нацию со всеми мнимыми прелестями космической «линии Мажино», была неожиданной даже для некоторых его ближайших советников. Сам оратор выказывал позднее свое раздражение по поводу того, что некоторые открыто сомневались в возможности спонтанного прихода на ум президента столь экстраординарных идей. Точки над «i» расставили дотошные журналисты. Одновременно и независимо друг от друга они провели тщательные изыскания и попали на один и тот же след, который вел к Эдварду Теллеру.

Все сходилось одно к одному. Теллер был доносчиком на коллег в постыдную эпоху маккартизма — «эпоху негодяев», как назвала ее известная американская писательница Лиллиан Хелман. Напомним, что он принес в жертву своему честолюбию Р. Оппенгеймера, обвинив его в умышленном торможении проекта создания водородной бомбы и в других «смертных грехах». Он был единственным ученым, который во время слушаний в атомной комиссии конгресса «дела» Оппенгеймера прямо предложил отстранить последнего от секретных работ.

Если принять на веру многочисленные заявления Теллера, то можно было бы подумать, что сей ученый муж в своих стремлениях не руководствуется иными идеалами, кроме служения Америке и науке. Однако в жизни, как это часто бывает, все выглядит несколько иначе. Он, который упрекал Оппенгеймера в активном участии в общественной и дипломатической деятельности, всю жизнь идет этим же путем. Он любит публичности. Неоднократно добивался правительственных, консультативных и административных постов.

Ему льстит находиться в центре внимания, выступать по телевидению, печататься в газетах и журналах, особенно в архиреакционных. Он играл роль научного медиума Дж. Ф. Даллеса, а часто и самого Д. Эйзенхауэра. Он стал классическим политическим зубром, который больше времени проводит на заседаниях комиссий конгресса, чем в лабораториях и университетах. Причем он абсолютно уверен, что так и должно быть. Любимчик «ястребов», Теллер зачастую говорит языком скорее военного человека, нежели ученого.

Как тщеславный Герострат, Э. Теллер готов всегда подкрепить своим научным авторитетом позиции сторонников гонки ядерных вооружений. Его излюбленная тема: неизбежность захвата мира коммунистами. Нет нужды подчеркивать, что эта позиция строго последовательна и напоминает психоз, который стоил жизни первому министру обороны США Дж. Форрестолу. Этот человек, считающий себя самым крупным из живущих ныне физиков, уже давно потерял симпатии своих коллег (необходимо, однако, заметить, что его никогда особенно не любили и у него не было настоящих друзей). Он часто жалуется, что «девяносто процентов профессиональных коллег видят в нем врага и отщепенца, что не может не оказывать на него влияния». Единственное утешение состоит в том, что теперь у Теллера много друзей и приятелей в Пентагоне, министерстве энергетики и в Белом доме, которому он дает регулярные научные консультации.

Согласно рецепту доктора Теллера, остановить распространение международного коммунизма можно только путем создания новых ядерных средств и милитаризации космоса. Еще в 1962 году в своей книге «Наследие Хиросимы» он писал: «Будет прекрасно, если мы сможем

сбивать приближающиеся ракеты до того, как они смогут достичь объектов в Соединенных Штатах».

Когда президент Рейган, сроднившись с идеями Теллера, заговорил его словами, «торговец ядерной смертью» (так называют Теллера в США) был первым, кто принялся аплодировать хозяину Белого дома. «Рейган,— заявил он спустя несколько часов после провозглашения американским президентом так называемой «стратегической оборонной инициативы»,— проявил истинное понимание исторической перспективы. От этого выиграют не только наши дети, но и дети наших союзников, выиграют советские дети».

Американский профессор геохимии Г. Браун написал как-то о Теллере, что его ослепил страх перед коммунизмом и что произойдет катастрофа, если точка зрения Теллера станет позицией правительства Соединенных Штатов Америки. Увы, это случилось. «Отец водородной бомбы» стал «крестным отцом «звездных войн». Он по-прежнему обивает пороги Белого дома, торгуя своей футуристической, несовершенной, но крайне соблазнительной для «фантастов из Пентагона» идеей. На этот раз коробейник из Ливермора запрашивает за свой «звездный» план особенно дорого — триллион долларов. Часть этой суммы должна осесть в Ливерморской лаборатории. А еще какая-то частичка...

Вездесущие журналисты долго недоумевали: неужели господин Теллер так бескорыстен, что радеет исключительно за чисто научные идеалы? И только ли желание противостоять мифической «советской военной угрозе» движет придворным ученым?

Вскоре все стало на свои места. Выяснилось, что, «идейно» и научно обосновывая необходимость создания противоракетной космической системы, Теллер каждый раз «забывает» упомянуть об одной существенной детали: его личные доходы напрямую зависят от прибылей компании, которая разрабатывает и производит «звездное оружие». Оказывается, научный консультант президента владеет солидным пакетом акций и даже заседает в совете директоров калифорнийской компании «Хелионетикс», специализирующейся на изготовлении компонентов лазерного оружия для космоса. Степень финансовой заинтересованности Теллера довольно-таки внушительна: он приобрел пакет акций компании на

сумму, превышающую 800 тысяч долларов, получает, как минимум, тысячу долларов в день только за одни консультации.

Вряд ли случаен тот факт, что Теллер вошел в состав совета директоров «Хелионетикс» именно в год прихода к власти республиканской администрации. «Чудо, случившееся в лоне западной цивилизации» — так «отец водородной бомбы» выразил свой восторг по поводу избрания Рейгана президентом США, связав это событие со своим личным благополучием. Нельзя считать простым совпадением и то, что именно с 1981 года так устойчиво высок курс акций «Хелионетикс» и так стремительно растут прибыли компании.

Примечательно, что 70 процентов доходов фирме приносят контракты на выполнение заказов Пентагона и министерства энергетики. Да, с кем с кем, а уж с представителями этих ведомств Теллер давно на короткой ноге...

Какие же конкретные работы в рамках программы «звездных войн» выторговал Э. Теллер для Ливермора? Лаборатория имени Э. Лоуренса специализируется главным образом в двух областях. Во-первых, это дорогая сердцу Теллера программа «Экスカлибур», конечная цель которой — создание рентгеновского лазера с ядерной накачкой. Во-вторых, это разработка лазера на свободных электронах.

Практические эксперименты с рентгеновским лазером были начаты в Ливерморской лаборатории в 1979 году. Они проходили в рамках программы «Р» министерства энергетики. Эксперименты проводила группа сотрудников лаборатории из 70 человек, которым в первые два-три года выделяли в год около 15 миллионов долларов.

Вскоре к группе, проводившей эксперименты в секретном блоке 111, присоединился только что пришедший в лабораторию двадцатичетырехлетний Питер Хагелстайн. Говорят, что виолончелист-виртуоз Хагелстайн, игравший до этого в симфоническом оркестре и наслаждающийся в редкие минуты отдыха классической музыкой, чаще всего реквием Моцарта и органными хорами Баха, пришел в Ливерморскую лабораторию с одной-единственной целью: создать суперлазер, способный обнаруживать и убивать раковые клетки. Для начала в нем убили

саму идею, а затем настоятельно посоветовали хорошенько покорпеть над разработкой рентгеновского лазера. Создать суперлазер, который будет обнаруживать и уничтожать ракеты, угрожающие Америке,— тоже, мол, благородная и возвышенная цель, сказали ему. Он поверил и небезуспешно работал над достижением «возвышенной цели».

Правда, осенью 1986 года произошло то, чего никто не ожидал ни в Ливерморе, ни в Пентагоне. Однажды утром П. Хагелстайн ушел из лаборатории и сообщил потом, что он болен гриппом. Спустя некоторое время он продал дом и вообще уехал из Калифорнии. Блестящий физик, поклонник Моцарта и Баха, композитор и музыкант-виртуоз, П. Хагелстайн заявил, что он не хочет больше отдавать свой талант на заклятие «бога войны». Он объявил, что уходит из Ливермора и не будет больше участвовать в разработке военных программ Ливермора. Другьям он сказал, что станет преподавателем Массачусетского технологического института и посвятит себя мирной науке, которая служит интересам всего человечества.

Именно П. Хагелстайн — начитанный суперинтеллектуал, хорошо знающий «Мабиногион»¹ и цикл поэм А. Теннисона «Королевские идиллии»², — предложил назвать программу создания рентгеновского лазера «Экскалибур», бросив кощунственную тень на романтическое предание о волшебном мече короля Артура.

Рентгеновский лазер использует энергию взрыва водородной бомбы, направляя ее в излучающие лазерные стержни, которые генерируют мощные мгновенные вспышки радиации, длящиеся примерно одну миллионную долю секунды. С точки зрения художников, «Экскалибур» похож на морского ежа с редкими иглами. Эти иглы-стержни испускают сконцентрированные пучки рентгеновских лучей, которые теоретически могут уничтожить объекты, расположенные на расстоянии в несколько тысяч километров.

23 марта 1985 года ученые Ливерморской лабора-

¹ «Мабиногион» — собрание средневековых валлийских легенд, преимущественно о короле Артуре и рыцарях Круглого стола.

² Теннисон, Альфред (1809—1892) — английский поэт, автор цикла поэм под общим названием «Королевские идиллии» (1859), основанных на артуровских легендах и преданиях.

тории провели на ядерном полигоне в штате Невада очередное испытание рентгеновского лазера под кодовым названием «Коттедж». Испытанное устройство, которое генерировало пучок рентгеновских лучей, получило название «Суперэкскалибур». Вскоре после этого испытания Э. Теллер прибыл в Вашингтон с бодрым сообщением о прогрессе в создании его детища и запросил еще 100 миллионов долларов для ускорения программы. Он снова уселся на своего любимого конька и начал на каждом углу твердить, что теперь-то уж рентгеновский лазер — вполне осязаемая боевая реальность, а не атрибут научной фантастики, в приверженности к которой его упрекают.

В декабре 1985 года на полигоне в Пахьют-Месе, что в 104 милях к северо-западу от Лас-Вегаса (штат Невада), на глубине 1800 футов был произведен очередной взрыв водородной бомбы, мощность которого в десять раз превысила мощность атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму. В ходе испытания, носившего кодовое название «Голдстоун», снова использовалось экспериментальное устройство, способное фокусировать лучи рентгеновского лазера.

Министр энергетики сообщил журналистам, что испытание было проведено «в соответствии с намеченным графиком и обошлось в 30 миллионов долларов». Затем последовали другие испытания, в результате которых яркость рентгеновского луча, как сообщил журнал «Сайентифик америкэн», «повысилась примерно на шесть порядков». Необходимо заметить, что все эти испытания проводились в период действия одностороннего советского моратория на любые ядерные взрывы. Таков был ответ американской администрации на эту важнейшую инициативу Советского Союза.

В отличие от других элементов противоракетной системы рентгеновский лазер не считается оружием космического базирования. Боевые орбитальные станции с упомянутым лазером на борту уязвимы. Поэтому Теллер предлагает размещать новое оружие на подводных лодках, курсирующих вблизи советских берегов, и запускать или «вышвыривать» его в космос. Выведенные в космос, лазерные устройства будут автоматически находить летящую цель и брать ее под прицел. После этого произойдет взрыв водородного «запала» мощностью в 7—8 «хиросим»

и, по терминологии Теллера, боеголовки будут «оглушены» рентгеновскими лучами. Однако, поскольку рентгеновские лучи поглощаются атмосферой, оружие способно атаковать ракету-цель лишь в короткий промежуток после того, как она покинула атмосферу, но до того, как произошло отделение боеголовок.

Э. Теллер безапелляционен в своем убеждении, что эта сложнейшая технологическая цепочка сработает в бездонных глубинах космоса без сучка и задоринки и на нее стоит истратить миллиарды долларов. Откуда эта уверенность? Чем объяснить такое усердие, такую необычайную активность апостола «звездных войн»? Многие специалисты, серьезно сомневающиеся в возможности эффективного использования рентгеновского лазера в космосе, считают, что «звездный вояка» просто-напросто блефует — продает подороже то, за что хорошенько платят. Уж он-то прекрасно усвоил: война кормит ту науку, которой занимается Теллер. Горька, печальна эта сентенция, но для Теллера она — почти что кредо.

Мы бы погрешили против истины, если бы сказали, что такая воинственность присуща лишь Теллеру. Увы, нет. У него много единомышленников. В первую очередь в Ливерморе. Среди тех, кого Рей Киддер, старший научный сотрудник, отвечающий в Ливерморской лаборатории за научные исследования в области водородных бомб, называет ярыми сторонниками идеи создания рентгеновского лазера, — протеже Э. Теллера Лоуэлл Вуд, профессор Джон Накколс, Эрик Сторм, возглавляющий в лаборатории программу использования лазеров для ядерного синтеза, заведующий всемогущего военного отдела лаборатории Филип Койл.

«В каждой программе нужен энтузиаст, и Лоуэлл Вуд представляет собой такого энтузиаста, без которого эта программа невозможна, — заметил Р. Киддер. — Он с религиозным фанатизмом верит в то, что рентгеновский лазер спасет Соединенные Штаты от русских. Он совершенно в этом уверен. Он страстно ненавидит русских. Таким образом, в лице Лоуэлла Вуда мы имеем человека одержимого, опирающегося на политический вес Эдварда Теллера».

А вот что глаголет «одержимый энтузиаст» Л. Вуд: «Израсходовав триллион долларов, мы к 2000 году можем создать лазерный щит, который покроет всю тер-

риторию Соединенных Штатов...» «Я сплю и вижу, как русские задохнутся от навязанной нами гонки вооружений...»

Единомышленники Теллера находятся и вне стен Ливерморской лаборатории. Среди добровольных адвокатов любимой «адской игрушки» Теллера — физик-теоретик Юджин Вигнер, бывший руководитель лаборатории реактивного движения при НАСА в Пасадене (Калифорния) Мартин Саммерфилд и некоторые другие ученые, приветствующие «титанические усилия самоотверженных интеллектуалов из Ливермора».

«Мы приступили к исследованиям в области неядерной обороны против ядерного нападения» — так или примерно так заявляет Р. Рейган. Но ведь известно, что в числе многих несуразиц, связанных с рентгеновским лазером, самая очевидная состоит в том, что это самое настоящее ядерное оружие, ибо источником энергии для него служит взрыв водородной бомбы. «Эту штуку стараются выдать за что-то неядерное, безотносительно к тому, действительно ли это так», — едко заметил Джон Пайк, занимающийся вопросами космической политики в Федерации американских ученых.

Ученые Ливермора занимаются ныне разработкой и другой системы мощного лазерного оружия — лазеров на свободных электронах.

Лазеры, построенные на основе разработок ученых Ливерморской лаборатории, уже сегодня можно встретить на полигонах Чайна-Лейн и Сан-Хуан-Капистрано (Калифорния), Уайт-Сэнд (Нью-Мексико), Мауи (Гавайские острова).

Э. Теллер как-то вспоминал, что он очень любил читать своей маленькой дочери Сюзанне знаменитую сказку Л. Кэррола «Алиса в Стране чудес». Коль так, то он, должно быть, хорошо запомнил, что Алисе, очутившейся в Стране чудес, прежде чем накормить ее завтраком, предложили поверить в шесть невозможных вещей. И вот теперь, много лет спустя, когда его дочь стала совсем взрослой, Э. Теллер пытается заставить мировую общественность поверить в шесть имеющихся у него вариантов технического решения программы СОИ. Но — тщетно. Люди отказываются верить в «шесть невозможных вещей», где черное выдается за белое. Для них это — непозволительная роскошь. Алиса из сказок Кэррола была окруже-

на волшебными зеркалами, жителей же планеты Земля фантасты из Ливермора норовят окружить зеркалами лазерными.

Апостолы «звездных войн» из Ливермора почти не сомневаются: по их мнению, программу СОИ вполне можно будет осуществить «не позднее, чем через 15—20 лет». «Новаторство в научной области идет поистине небывалыми темпами,— объясняет руководитель отдела информатики лаборатории Роберт Борчерс.— Приведу один пример: за 30 лет своего существования Ливерморская лаборатория увеличила свои возможности в обработке информации в 30 миллионов раз. Проблема, на которую в 1950 году у нас ушел бы год, сегодня может быть решена за одну секунду. Но чтобы достичь успехов в осуществлении СОИ, наши возможности в обработке информации надо увеличить в 100 раз, а в области современных компьютеров это отнюдь не просто».

И все-таки, кокетничая нерешенностью некоторых проблем, связанных с ЭВМ, ливерморские «звездные воины» абсолютно убеждены, что Соединенные Штаты обладают значительным технологическим превосходством над СССР, и прежде всего в области компьютеров. Они настоятельно призывают воспользоваться этим превосходством. Их не пугает даже перспектива того, что судьба человечества может оказаться «в руках» роботов. «Лишь компьютер сможет дать приказ открыть огонь в течение 50—200 секунд, пока ракеты противника пролетают активный участок своей траектории...» — буднично констатирует Борчерс.

«В каком-то смысле мы находимся в положении братьев Райт, которых президент США после первого полета их аэроплана вдруг попросил бы построить «Боинг-747», — набивают себе цену обитатели «звездной лаборатории» в Калифорнии. И все же, говорит от их имени Ф. Койл, следует попытаться осуществить СОИ. Рейган нуждается в быстрых и эффектных результатах. И мы ему их дадим. Даже прежде, чем он успеет покинуть Белый дом. Так что мы доведем до седых волос некоторых сенаторов-демократов из Массачусетса (намек на Эдварда Кеннеди, с легкой руки которого «стратегическую инициативу в области обороны» начали называть «звездными войнами». — В. С.).

Если в жаркий летний день заглянуть внутрь «запрет-

ного» периметра, зовущегося «Три Л», то можно увидеть, как на поливных ухоженных лужайках сидят тесными группками и поодиночке, стоят, облокотившись друг на друга, и даже возлежат в непринужденных позах молодые люди в экстравагантных одеждах. Теннисные рубашки с расстегнутыми воротниками, разноцветные кроссовки, джинсовые и вельветовые шорты. В общем, глядя на них, можно подумать, что находишься не в Ливерморе, а в университетском городке.

Молодую поросль для лаборатории собирают по всей стране «селекционеры» из специально созданного фонда Хертца. Система отлова талантов отработана до совершенства. Стоит в каком-либо университете или колледже появиться сколько-нибудь одаренному, подающему надежды студенту — эмиссары фонда Хертца тут как тут. С помощью сложных тестов отбираются лучшие из лучших. Суперталантам сулят баснословные стипендии и направляют их на стажировку в Ливермор.

Стоит ли говорить о том, что ни один цент не бросается на ветер. Из «стажеров» выжимают все, что можно. По прошествии некоторого времени собирается совет фонда, в который входят представители Пентагона, толстосумы, ворочающие оружием бизнесом, ученые, положившие свой талант на алтарь бога войны. Самые оригинальные умы оставляются в Ливерморской лаборатории, некоторые — отправляются в Лос-Аламосскую или Сандийскую лаборатории. Но они по-прежнему остаются под бдительным наблюдением людей из фонда Хертца. Ни на ком не ставится крест: появившись у кого-нибудь из «неудачников» свежая идея, как он тут же — с помощью «долларового рычага» — окажется снова в Ливерморе.

Великовозрастные вундеркинды на досуге не прочь поиграть в электронные игры, воспроизвести на экранах ЭВМ различные участки территории Советского Союза и поломать голову над тем, как бы поэффективнее, с помощью десятков мегатонн «выключить из игры» тот или иной район СССР. Предложения каждого закладываются в компьютер, который, пошевелив своими электронными мозгами, определяет победителя. Не чужда им и привычка глубокомысленно пофилософствовать о смысле человеческого бытия, о «положительных моментах» ядерной катастрофы. Вот, к примеру, какой перл «изящной сло-

весности» выдал на-гора Р. Хайд, теперь уже ни в чем не нуждающийся, имеющий на своем банковском счету кругленькую сумму: «Капитализм скорее всего ускорит эволюцию, так как будут уничтожены низшие формы жизни, что даст простор для развития высших».

Но есть и другая Калифорния, отнюдь не разделяющая философские воззрения Э. Теллера и ряда обитателей Ливерморской лаборатории. Десятки тысяч калифорнийцев вливаются в движение против войны, против проведения ядерных испытаний и разработки ядерно-космических вооружений. Они становятся активистами таких общественных антивоенных организаций, как «Ливерморская группа действий», «Мир без войны», «Комитет против угрозы ядерной войны», «Рабочие за мир», «Женщины залива Сан-Франциско за мир».

Округ Сонома — один из самых тихих в «золотом штате». Сюда под сень тенистых парков с аккуратными газонами наезжают жаркими летними днями «сильные мира сего» — и бывшие, и настоящие. Приезжают они в этот райский уголок, чтобы поразвлечься, сбросить с плеч бремя государственной ответственности, отдохнуть от мирских забот. Среди тех, кто здесь бывает — президент Р. Рейган, вице-президент Дж. Буш, Дж. Форд, Г. Киссинджер, Д. Рокфеллер, А. Хейг и многие другие. Они — члены респектабельного «Богемского клуба», нашедшего пристанище в роскошных виллах Сонома.

В последнее время для сонма политиков и политиканов нет покоя в Сонома. Заповедную тишину, обволакивающую членов престижного клуба, которые так любят вести благочестивые беседы за коктейльными столиками, все чаще разрывают скандирования демонстрантов: «Нет войне!», «Долой ядерные ракеты!», «Свободы, справедливости, мира!»

У ворот «заповедника элиты» проводят манифестации представители многих общественных антивоенных организаций западного побережья США, в том числе наиболее массовой и авторитетной — «Ливерморской группы действий». «Мы приходим сюда, чтобы еще и еще раз сказать решительное «Нет!» ядерным бомбам и «звездным войнам», — заявила активистка группы Э. Грин.

После того как стало известно о разработках ливерморскими учеными ядерного оружия третьего поколения, «Ливерморская группа действий» организовала серию

демонстраций у ограды лаборатории. Одна из самых массовых антивоенных демонстраций прошла в Ливерморе в апреле 1986 года, после того как на полигоне в Неваде было произведено ядерное испытание под кодовым названием «Джефферсон», в ходе которого проходил дальнейшую «обкатку» рентгеновский лазер. «Блюстители порядка», разумеется, не упустили возможность продемонстрировать свое умение бороться с демонстрантами. Только за один день было арестовано свыше 1300 противников гонки вооружений. Десятки участников демонстраций оказались за тюремной решеткой, многие были оштрафованы на крупные суммы.

Около десяти тысяч калифорнийцев объединились в общественную организацию «Мир без войны». Ее штаб-квартира находится в сорока милях от Сан-Франциско — в городке Пало-Альто. Это совсем недалеко от Ливерморской лаборатории.

Архитектор Ричард Рэтбан, менеджер из ИБМ Джон Андерсон, один из бывших руководителей программы медицинских исследований НАСА Хол Сандлер, бизнесмены Бил Маглашин и Ирис Вейл, учительница Мэрлин Пэтц активно пропагандируют сегодня идеи «мира без войны». Они и их единомышленники устраивают семинары, встречаются с политиками, посылают в Белый дом и другие правительственные ведомства петиции, в которых содержатся призывы к американской администрации отказаться от безумных планов «звездных войн», присоединиться к выдвинутой Советским Союзом исторической программе избавления человечества к концу нынешнего века от ядерного оружия. «Космос может и должен нести добро жителям планеты Земля, а не становиться для человечества ящиком Пандоры», — говорилось в одном из воззваний организации «Мир без войны».

Против гонки вооружений, против подготовки к «звездным войнам» сегодня выступает множество ученых во всем мире. В том числе в Соединенных Штатах, где существует мощное движение ученых против милитаризации науки, «звездных войн» и «экзотического оружия». 6500 американских ученых и научных исследователей — людей, без знаний и опыта которых создание противоракетной обороны с элементами космического базирования немыслимо, — высказались против выделения средств на СОИ. Среди них — 57 лауреатов Нобелевской премии, в том

числе такие видные представители американской науки, как Ганс Бете, Оуэн Чэмберлен, Джеймс Кронин, Уильям Фаулер, Роберт Хофштадтер, Эдвин Макмиллан, Гленн Сиборг, Джеймс Тобин, Роберт Уилсон. Они считают такую систему абсолютно неэффективной. Как остроумно заметил один из ученых, «СОИ — это категория кинематографа, а не науки. Это фильм, а не научная программа». Компания по опросу общественного мнения «Питер Харт рисерч ассошиэйтс» попросила 549 ведущих американских физиков высказать их мнение о «звездных войнах». 75 процентов опрошенных высказали серьезные сомнения, что СОИ способна защитить американцев от баллистических ракет, а 62 процента выступили против развертывания какой-либо системы вооружений в космосе. Компания опубликовала результаты опроса, а «Союз обеспокоенных ученых» сделал их достоянием гласности.

...Молодой французский аристократ Алексис де Токвиль, побывавший еще в прошлом веке в Соединенных Штатах, описал свои наблюдения в книге «О демократии в Америке», которая и сегодня слывет в США «политической библией». Среди прочего он обратил внимание на глубоко укоренившуюся среди американцев привычку рассматривать себя так, словно бы кроме них никого больше в мире нет вовсе. «Американец,— писал А. де Токвиль,— всегда склонен воображать, что он стоит где-то в одиночку и держит свою судьбу в собственных руках». Как заметил на страницах популярного научного журнала «Дискавер» журналист и писатель Томас Пауэрс, нынешняя американская администрация, находясь «в плену исторических привычек» американцев, вдруг решила, что в ракетно-ядерный век Америка может полностью «сама себя обезопасить». С самого начала, указывает Т. Пауэрс, глава Белого дома говорил о программе «звездных войн» как о сугубо внутреннем американском решении, делая при этом вид, что Советского Союза как бы вовсе не существует.

Но Советский Союз не только существует, но и понимает, что СОИ, если она будет осуществлена, разрушит стратегическую стабильность, еще больше подстегнет гонку вооружений. Мир станет заложником непредсказуемости, когда судьба человечества роковым образом будет зависеть не от политических решений, не от гениальных прозрений ученых, а от сбоя техники. Этого допустить

нельзя. Поэтому так настойчиво наша страна говорит всему миру о серьезных опасностях, которые таит в себе СОИ. Об этом сказали в своем призыве «Запретить космические вооружения» и американские ученые. Один из тех, кто подписал этот призыв, назвал программу «звездных войн» «союзом Фауста с дьяволом». Сильное и очень точное сравнение.

Несколько слов в заключение...

Сон разума рождает чудовищ... Так назвал серию своих офортов гениальный испанский художник Гойя. Так было, так есть, так будет. Но бывает и так, что разум — порой даже талантливый, гениальный — обслуживает безумие. Разве не обслуживают последние 30 лет лучшие умы Ливерморской лаборатории безумие войн, безумие самой идеи коллективного истязания оружием друг друга? И разве не отыскивают они для оправдания этого своего безумия яркие слова, благозвучные эпитеты, стремясь создать тем самым некий ореол прекрасного над свирепым, пугающим, отталкивающим обликом кровавого Марса?

«Ученые военных лабораторий представляют большую силу в плане форсирования и продолжения гонки вооружений», — писал на страницах американского научного журнала «Буллетин оф атомик сайентистс» физик-теоретик из Ливерморской лаборатории Хью де Уитт. (Кстати, в свое время Э. Теллер демонстративно вышел из состава редколлегии этого авторитетного академического издания, основанного выдающимися американскими учеными 12 декабря 1945 года. «Отец водородной бомбы» и апологет «звездных войн» заявил, что он не в силах больше терпеть «опасный либерализм» журнала, который представляет собой «инструмент пропаганды».)

Факты подтверждают правоту мысли, высказанной Хью де Уиттом. Идея усиления ударного действия быстрых нейтронов, выделяемых при термоядерной реакции, как и идея «звездных войн», родилась в Ливерморе. Затем события развивались с калейдоскопической быстротой — словно «цепная реакция». Научные идеи вышли за пределы лаборатории, обросли целой свитой всякого рода «энту-

зиастов», причем в основном яркими антикоммунистами и откровенными выразителями интересов военно-промышленного комплекса. В результате некогда смелые научные идеи превратились в опасные для дела мира проекты.

История Ливермора буквально пестрит такого рода примерами. К сожалению, все сколько-нибудь крупные научные открытия, сделанные в лаборатории, рано или поздно шли на конвейер главной военной кузницы Америки. Отсюда и сомнения в том, во что же на самом деле облачены ученые Ливермора: в академические мантии или в военные мундиры, и язвительные упреки в адрес калифорнийской науки, которая, дескать, постепенно превратилась в «четвертый вид» американских вооруженных сил (после сухопутных войск, ВВС и ВМС.— В. С.).

Человечество пересекло ядерный Рубикон в годы второй мировой войны. Это был особый исторический момент: первыми эту опасную черту спешили переступить ученые-физики нацистской Германии, и было невозможно допустить, чтобы это произошло, необходимо было опередить фашистских маньяков. Родилась атомная бомба, и это было первое поколение ядерного оружия. Вторым поколением явилась водородная бомба, созданная в Ливерморе Э. Теллером.

Сейчас Ливерморская лаборатория ядерных исследований — «святая святых» американской военно-индустриальной мысли, «мозговой трест» военно-промышленного комплекса — занимается разработкой ядерного оружия «третьего поколения». Какая-то часть этого оружия уже перекочевала из секретных блоков исследовательского центра на макеты и полигоны, из рук ученых — в руки военных маньяков. И ассоциируется оно сейчас не только с Ливермором. А и с базой ВВС Эдвардс, где проходит испытания противоспутниковая система АСАТ, и с полигоном Уайт-Сэндз в пустыне штата Нью-Мексико, где генерирует лучи лазерная установка, и с ракетным полигоном в Кауаи (штат Гавайи), где испытывается так называемое кинетическое оружие, и с полигоном в штате Невада, где готовятся новые эксперименты по программе «Экскалибур». Все это — подступы к практическому витку гонки вооружений в космосе.

...Красива природа, окружающая Ливермор. Среди древовидных кактусов и высоких пальм, среди причудливых холмов, неподалеку от живописных гор и теплой

бухты, на которую по вечерам падают яркие полосы пурпурного заката, не только природа, но и жизнь улыбается предприимчивым, упорным и не отягощенным рефлексиями интеллекта обитателям Ливерморской лаборатории. Упоенные успехом и силой, они — баловни судьбы, избранные счастливчики — ощущают себя хозяевами мира, перед которыми открываются все двери, которым все легко дается, все доступно и потому — все дозволено.

Их, для которых ядерная война — категория вполне мыслимая, не смущает то, что выдуманные ими «адские машины» таят в себе угрозу всечеловеческого уничтожения. Они не хотят задуматься над тем, что их «супермышеловки» способны принести человечеству неисчислимые беды, разрушить окружающую среду, привести к выбросу в атмосферу миллионов тонн частиц, что вызовет затмение солнца, приведет к охлаждению земной поверхности, к наступлению «ядерной зимы». Что ж, это их привилегия — мыслить о немислимом. Созидательная же человеческая мысль, работающая над позитивными проектами развития научно-технического прогресса, связывающая будущее не со «звездными войнами», а с мирным космосом, никогда не подчинится диким инстинктам тех, кто пытается столкнуть цивилизацию в пропасть ядерной войны.

Конкретные мирные инициативы и предложения, с которыми выступает Советский Союз, получают мощную поддержку миролюбивых сил планеты. Наступила совершенно другая эпоха, в которую движение к безъядерному миру — вполне реальная альтернатива. И мы верим, что новое мышление пробьет толщу предрассудков эпохи войн и оружия.

Содержание

ТЕНИ «СОЛНЕЧНОГО ШТАТА» (Несколько вступительных слов)	3
ЗАПРЕТНЫЙ «ПРЯМОУГОЛЬНИК» ЗОВЕТСЯ «ТРИ Л»	6
СЭМЮЕЛ КОЭН И ЕГО «БЭБИ»	20
ЛИВЕРМОРСКИЕ «СУПЕРМЫШЕЛОВКИ»	38
...И КОНЦЫ В ВОДУ	49
ТЕЛЛЕР — АПОЛОГЕТ «ЗВЕЗДНЫХ ВОЙН»	59
НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАКЛЮЧЕНИЕ...	75

- Сухой В. В.**
С91 Ливермор: мундир вместо мантии.— М.: Политиздат, 1988.— 78 с.— (Владыки капиталистич. мира).
ISBN 5—250—00004—5

Автор памфлета, собственный корреспондент газеты «Правда» в США, в остро публицистической форме обнажает далеко не благовидные дела, творимые в недрах детища Пентагона — Ливерморской лаборатории ядерных исследований, где в глубокой тайне разрабатывается самое смертоносное оружие. Здесь ведутся разработки, связанные с программой «звездных войн». На большом и интересном материале показываются тайные и явные нити, связывающие лабораторию с военно-промышленным комплексом США.

Рассчитана на массового читателя.

С 0604040000—118 155—88
079(02)—88

ББК 66.2(7США)

Владимир Васильевич Сухой
ЛИВЕРМОР: МУНДИР ВМЕСТО МАНТИИ

Заведующий редакцией *В. Т. Пискунов*
Редактор *Е. Я. Тягай*
Младший редактор *И. В. Коноплянникова*
Художник *А. М. Горлаченко*
Художественный редактор *А. А. Пчелкин*
Технический редактор *Г. М. Короткова*

ИБ № 7148

Сдано в набор 17.12.87. Подписано в печать 23.03.88.
А00050. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная
офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 4,20. Усл. кр.-отт. 4,62. Уч.-изд. л. 3,95.
Тираж 300 000 экз. Заказ № 3404. Цена 20 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.